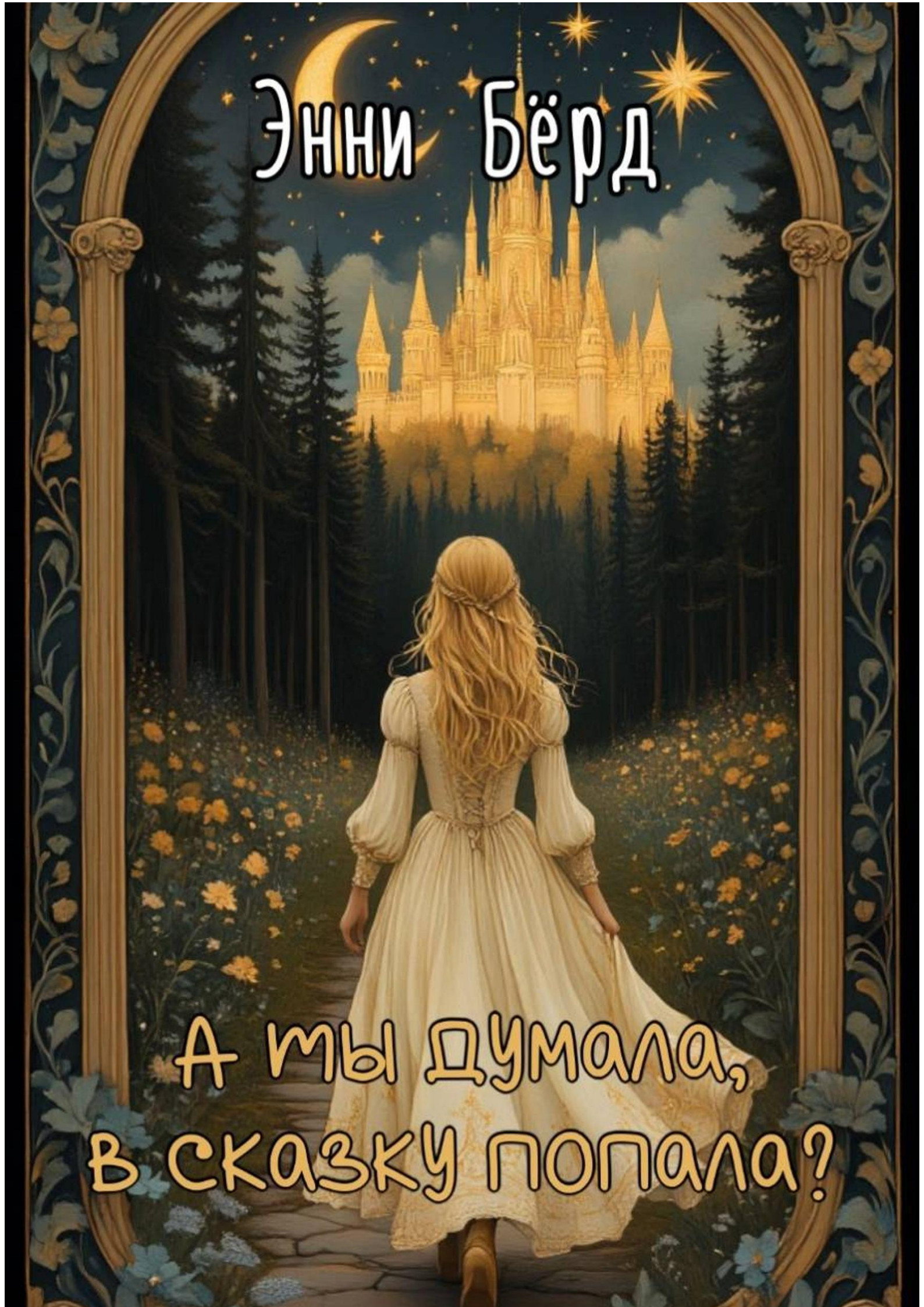

A woman with long blonde hair, seen from behind, is walking along a stone path through a lush forest. She is wearing a long, flowing white dress with puffed sleeves and a lace-up back. The forest is filled with tall evergreen trees and a carpet of yellow wildflowers. In the distance, a magnificent golden castle with many spires and towers sits atop a hill, glowing with a warm light. The sky is dark blue with a large, bright crescent moon and several sparkling stars. The entire scene is framed by an ornate, arched border with floral and vine motifs.

Энни Бёрд

А ты думала,
в сказку попала?

Энни Бёрд

А ты думала, в сказку попала?

«Автор»

2026

Бёрд Э.

А ты думала, в сказку попала? / Э. Бёрд — «Автор», 2026

Быть принцессой — это жить взаперти и подчиняться воле отца. Когда Энн отчаивается и сбегает из дома, судьба подбрасывает Дневник Души. Считывая эмоции хозяйки и выплескивая их на страницах, он помогает встретить любовь и поступить в Высшую школу магии. Вместе с молодым волшебником принцесса узнаёт о существовании Осколка мира и отправляется на его поиски. Но жизнь не сказка. Боль от внезапной утраты превращает Дневник в страшное оружие! Теперь Энн предстоит сразиться с собственным горем и пересечь океан, кишущий драконами, чтобы исцелить сердце. Затерянный мир, пропавший дядя, разлад с отцом и проблемы на факультете Растителей. Какие ещё испытания ждут героиню, и какой она выйдет из них?

© Бёрд Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. До	5
Глава 1. Свобода	5
Глава 2. Страх	11
Глава 3. Надежда	17
Глава 4. Нежность	22
Глава 5. Счастье	31
Глава 6. Интрига	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Энни Бёрд

А ты думала, в сказку попала?

Часть 1. До

Глава 1. Свобода

Под ногами хрустнуло. Энн сжалась и, задержав дыхание, взглянула вниз – она боялась увидеть там росток морнвала. Выдохнула – всего лишь ветка. Сегодня ее не съедят разъярённые родители этого древовидного чудища. Если, конечно, они и правда существуют.

Захлестнули недавние воспоминания. В груди все еще клокотала ярость от слов отца. Конечно, по всем правилам она должна его любить – но как можно испытывать теплые чувства к человеку, для которого ты – лишь средство для достижения его целей?

Рука зачесалась. Энн вспомнила, как проснулась на поляне, залитой солнечным светом. Как божья коровка пробежала по коже, щекоча лапками, слетела в высокую траву и потерялась из виду. Она не испугалась большого человека, а смело пошла ему наперекор! Вот и Энн не трусиха. Она шагает через лес с котомкой на спине и не боится приключений. И чего ее все так пугали внешним миром? Да он прекрасен!

Вот доберется до города, начнет общаться с интересными людьми, победит застенчивость и сама выберет путь в жизни. Без папы и мамы.

Энн никогда раньше не возносила молитвы Мальчику, но сейчас отчаянно захотела попросить у него легкой дороги. Чтобы он не посылал невзгоды и не расставлял опасные ловушки на пути. Может, он сжалится над молодой девушкой и подыграет?

Ветер принес с собой дурманивший аромат. Энн не разбиралась в цветах и, чего греха таить, никогда их не любила: все горшки с насильно врученными ей «подопечными» дружно гибли. Она и поливала, и ухаживала, и паразитов изводила, а цветы все равно сохли. Один такой «счастливчик» не успел добраться от двери до подоконника – как уронил несколько лепестков и грустно склонил бутоны. Тут даже мама смирилась: комнатные растения не для ее дочери. И, к нескрываемой радости Энн, перестала приносить новых подопытных.

А вот животные! Энн всегда мечтала о собаке, но после долгих торгов родители согласились только на попугая – и в семье появился ярко-синий малыш, задорно щебечущий по утрам. Он свободно летал по комнате, навевался в укромные углы, много гулял. А потом... Ну, не виновата она! Кто мог подумать, что птица сбежит на кухню и... спикирует в кастрюлю с супом? Потом долго еще нерадивой хозяйке чудилось движение за прутьями опустевшей клетки, слышалось призрачное щебетание и шорохи.

Солнце блеснуло золотом и скрылось. Тропинка вильнула вслед за ним и затерялась в сумерках. Вот ноги шагали по протоптанной земле – а вот их уже по колено царапают заросли. Густые, цепкие и очень колючие.

Ветер принес с собой влажный, затхлый запах – кажется, именно так пахнет болото. В животе урчало. Энн старалась не думать о еде, но те горсти ягод, что она съела на свой страх и риск, давно исчерпали себя, а галеты стоило поберечь. Ужасно хотелось мяса. Сочную отбивную и горячую картошку, с которой медленно сползает кусок сливочного масла...

Желудок уже не урчал – он протестующе завывал о страданиях на весь лес. Ноги гудели, не привыкшие к долгим нагрузкам. А по спине бегали мурашки, заставляя тело вздрагивать при каждом дуновении ветра.

На задворках сознания заскребся панический голос. Энн задвинула его как можно глубже, но скользкие щупальца страха настигали. Она пыталась их сбросить, однако хватка становилась только крепче и затягивалась тесным узлом вокруг шеи.

Темные стволы сливались в сплошную стену, не давая ни малейшей подсказки о нужном направлении. Если Энн продолжит брести вслепую, то запросто вернется в начало. Не такими ей представлялись приключения. Где волшебные феи, смелые принцы и карты сокровищ?

Впереди что-то шевельнулось. Энн замерла, не обращая внимания на крапиву, жалящую голени. Кончики пальцев сковал холод. Частые удары сердца отдавали пульсацией в висках. Гигантский темный силуэт качнулся, крючковатые лапы замахали, призывая подойти ближе. Пасть открылась, обнажая длинные зубы – с них что-то бесшумно капало на траву.

Захотелось бежать. Не важно, куда, главное – подальше от чудища. Но ноги вросли в землю, а тело покрылось неосязаемой ледяной коркой. Все, что получалось – это часто дышать и беспомощно хлопать ресницами.

– Кар-р-р! – гаркнуло над головой. Огромная птица, взмахивая крыльями, снялась с места и полетела в сторону страшной тени.

Энн вскрикнула. Тут же зажала рот руками, подавляя очередной возглас. Из глубин памяти всплыл синий попугай. А ведь он погиб из-за нее. Это она виновата! Если бы не беспечность и легкомысленность... Оцепенение и слабость исчезли. Энн не думала и не понимала, что делает – перед взором все еще стояли перья, медленно кружащиеся на поверхности бульона.

Она бросилась вперед. Неважно, что с ней сделает чудовище. Мысли занимало одно: спасти птицу. Спасти эту глупую, дурацкую птицу, летящую в раскрытые объятия смерти.

Ворон покружился, выбирая место, и сел прямо на голову монстра. Скрипнуло. Тень качнулась, назидательно погрозила пальцами. Птица неотрывно наблюдала за Энн, склонив голову набок. Черный блестящий глаз, не мигая, следил за каждым движением.

Страх вернулся. Энн встала, не в силах сделать ни шага, закрыла лицо трясущимися руками. Не справилась. Пропала.

Она взглянула сквозь щель между пальцами. В груди зародилось kloкотание. Оно набирало силу, подпитывалось увиденным, пока, наконец, не вылилось в безудержный хохот. Очень скоро от смеха заболел живот, Энн повалилась на землю и скрючилась. Когда дышать стало совсем трудно, а слезы пропитали ночную рубашку, приступ веселья отпустил.

«Монстр» взмахнул ветвями, и птица взмыла в воздух. Это было дерево. Узловатое, кривое, страшное – но всего лишь дерево.

Энн потеряла обожженные крапивой ноги, поднялась с земли и огляделась. Если так будет продолжаться и дальше, то она сойдет с ума быстрее, чем доберется до города.

Тропинки не было. Энн отыскала поляну, поросшую густым мхом – идеальное место для ночлега. Вытащила из котомки тонкий плед, свернулась на земле калачиком и закрыла глаза.

Мох обволакивал тело, принимая в свои объятия. Но холодный ветер никуда не делся, а скрипы деревьев заставляли вздрагивать. Энн представила, что ее обнимает прекрасный принц. Как он греет своим теплом, сильные руки обхватывают талию, а теплое дыхание щекочет ухо.

Спина зачесалась. По всему телу появилось ощущение крохотных иголок. Воображение вежливо нарисовало тучи комаров – и зуд усилился, став почти нестерпимым. Над ухом прожужжало. Девушка набросила плед на голову и застучала руками и ногами по мху, стараясь отогнать насекомых. Стало нечем дышать, и из-под пледа пришлось высунуть кончик носа. Глубокий вдох. Выдох через рот. Посчитать до десяти.

Все еще пахло болотом. Вдалеке послышалось кваканье, затем всплеск. Воцарилась тишина. Ни шелеста листвы, ни стрекотания насекомых, ни скрипа стволов. С непривычки заложило уши, и девушка поняла, что за весь день лес ни на секунду не замолкал. Зато сейчас отчего-то притаился. Словно боялся чего-то. Или кого-то.

Затылок стало покалывать. Словно позади кто-то стоит и буравит взглядом. Ноги и руки похолодели, в ушах зашумела кровь. Хотелось перевернуться на другой бок, но тело оцепенело, отказываясь слушаться. Энн зажмурилась и снова стала считать до десяти, на этот раз в обратном порядке.

На цифре «7» ощущение посторонних глаз исчезло. Девушка выдохнула, стараясь не издавать ни звука. Но слезка вернулась – на этот раз чувство исходило от воздуха возле лица. Стоило лишь открыть глаза – и непрощенный гость показал бы себя.

Веки изнутри зажглись красным, будто резко вошло солнце. Энн не выдержала и разлепила глаза.

Перед ней в воздухе маячили желтые огоньки. Девушка начала было их пересчитывать, но быстро сбилась – они постоянно двигались, кружились, перепрыгивали друг через друга. Огоньки то сжимались в плотное сияющее облако, то рассеивались, словно дышало волшебное существо. Вдох. Выдох. Энн поняла, что не в силах оторваться от этого танца.

– Приветствуем тебя в Сильварии! Наш чудесный лес рад гостям, но каждый путник, проходящий через него, должен заплатить нам как преданным слугам природы.

Было непонятно, откуда доносится этот мягкий, искрящийся голос. Казалось, светлячки поют в унисон, и в то же время слова возникали прямо в голове, минуя уши. Музыкальность речи напоминала журчание горного ручья – по крайней мере, именно таким Энн представляла его бурные потоки. Девушка осторожно пошевелилась и поняла, что снова может двигаться. Она оттолкнулась от упругого мха и поднялась на ноги. Голова кружилась от стремительного движения, свет в глазах померк. Качнувшись, Энн пришла в себя и пролепетала:

– Доброй ночи вам, чудесные светлячки! Меня зовут Энн, и я с радостью бы вам заплатила – но у меня нет денег...

Огни сгрудились в кучку, словно что-то обсуждали. Энн попыталась разглядеть крылья – и не смогла. Создания парили сами по себе, не издавая звуков. Они вновь разлетелись, собрались в силуэт человека и прошелестели:

– Мы – Лесные Духи. Нас не интересуют материальные блага. Однако каждый, кто обладает речью, способен нас порадовать.

Энн просияла:

– Ой, тогда вы по адресу! Я целый день ни с кем не разговаривала, готова болтать хоть до самого утра!

Удивительное дело: ей совсем не было страшно или хоть сколько-нибудь волнительно. Все происходящее походило на сон, в котором не могло случиться ничего плохого.

– Мы принимаем истории.

В голове зароились сказки, которые мама с трепетом и любовью рассказывала перед сном. С ними кружились и рассказы, которые девушка читала сама, только-только научившись складывать буквы в слова. Что же выбрать? Легенду о единорогах, покинувших мир? Слишком банально. Сказка о слишком взрослом коте? Нет, юмор Духи не оценят. Не успела Энн как следует зацепиться хоть за одну идею, как губы сами собой зашевелились.

В далекой-далекой стране, где урожай собирают ровно три раза в год, жила прекрасная принцесса. Ее отец – сильный и строгий король – души не чаял в дочке и нежно любил свою жену. Он так сильно переживал за семью и так отчаянно хотел защитить ее от всех опасностей мира, что возвел из прочных булыжников гигантский замок. Он обнес его высокой каменной стеной со сторожевыми башнями и строго-настрого запретил девочкам покидать жилище. В замке не было привидений или звенящих цепей, не было воющих на луну волков или свистящего ветра. Окна были совсем крошечными, и за огнем в камине следили слишком тщательно, боясь пожаров. Темно и скучно было в том замке.

Принцесса с самого детства любила сидеть на подоконнике и читать книги. Изредка она поглядывала на крохотный город за густым лесом, сияющий огнями. Она представляла,

как к башне подъезжает принц на коне с роскошной гривой, вызволяет ее из каменного плена и увозит далеко-далеко. А там, за поворотом, ждет настоящая жизнь, полная приключений, испытаний, наград и любви. Девочка так отчаянно рисовала эти картинки у себя в воображении, что начинала верить в них. И горько разочаровывалась, когда приходилось возвращаться в реальность.

Однажды за ужином принцесса, стукнув по столу кулаком, сказала:

– Я хочу наружу.

Ее неокрепший голос дрогнул от страха, но не сломился. И сверкнул король глазами так грозно, как сверкает ими на изменников. Он со звяканьем отложил приборы и ответил:

– Мы это уже обсуждали. И я был уверен, что тема закрыта. Мир слишком опасен. Споткнешься – разобьешь голову. Съешь не ту ягоду – отравишься. Потеряешь бдительность – попадешь под колеса пьяного возницы. Снаружи только Тьма и Страх. А в замке есть все, что нужно. Здесь вкусная еда, сотни книг, которыми ты так дорожишь, учителя и сокурсники. Разве этого мало?!

– Да. Мало. Жизнь взаперти – это не жизнь! Папа, мне здесь тесно, скучно и одиноко, – в сердцах воскликнула принцесса.

– Твое будущее предопределено. Ты поступишь в университет управления, чтобы пойти по моим стопам и сменить на троне, когда я уйду на пенсию. Уверен, ты с легкостью сдашь экзамены и пройдеши практику на месте. А уж подданные, привыкшие ко мне, с радостью изберут тебя.

– Я любви хочу. И друзей. Настоящих.

– Насчет любви можешь не беспокоиться. Я посоветовался с Фродтом и подобрал тебе достойную партию. Хороший молодой человек из достойной семьи.

Принцесса сжала кулаки и перевела взгляд на маму. Та едва заметно пожала плечами и уткнулась в тарелку. Она гоняла вилкой кусок свеклы, выводя на фарфоре розовые узоры, и лишь едва дрожащая рука выдавала волнение.

«Вот значит как!» – подумала девочка. В тот момент она была зла, как никогда в своей жизни, и поняла: пора воплощать в жизнь план, который обдумывала бессонными ночами.

– Ну уж нет! Ненавижу эти мерзкие унылые стены! – закричала принцесса, схватила тарелку и швырнула ее в стену. Подлива растеклась пахучей слизью, осколки брызнули в стороны. Засуетились слуги, приводя обеденный зал в порядок.

– Марш в свою комнату! И только посмей хлопнуть дверью! – закричал король, указывая на выход тонким пальцем, униженным перстнями. Его лицо покраснело, щеки дрожали от гнева. Отец набрал в легкие большие воздуха и с той же жесткостью добавил: – Утром жду с извинениями. Неблагодарная девчонка!

Это ей и было нужно. Принцесса вскочила, с грохотом опрокинув стул, и выбежала из столовой. Добравшись до комнаты на верхушке высокой-превысокой башни, она тихо прикрыла дверь и бросилась к кровати. По пути она стянула пышное вечернее платье, и на хрупкой фигуре осталась лишь ночная сорочка – не нарядно, зато удобно и сойдет за одежду простолоудинки. Руки нащупали под кроватью связку простыней, один конец которой уже был прочно закреплён на резной ножке.

Девочка забросила на спину котомку – та больно хлопнула по лопаткам – схватила второй конец простыней и распахнула окно. Ее не пугала высота – лишь неизвестность впереди. А еще щекотало сладостное предвкушение приключений и новых впечатлений.

Перекинув ноги через подоконник, девочка села на самый край. Под мягкими туфлями разверзлась настоящая пропасть. До земли – так далеко! Но принцесса не отступила. Щекощущее чувство разливалось от низа живота до кончиков пальцев. Горячее, сильное и опасное – но такое приятное! Оно заставляло сердце биться так часто, что удары сливались в сплошной гул. Все существо кричало: «Давай! Сделай это!».

И девочка доверилась чувствам. Шаг за шагом, вцепившись пальцами в накрахмаленные простыни, стала спускаться. Она шла по башне, как цирковой артист. Руки перехватывали ткань, пальцы белели от напряжения – и очень быстро устали. Держаться становилось труднее с каждой секундой. В страшные моменты отчаяния перед глазами вспыхивали картинки мечты: шумный лес, ароматные крендели на городской площади, объятия новых друзей. Ноги упорно продолжали двигаться, ведь не зря в придворной школе она покорно ходила на занятия по телесному укреплению.

Камень подозрительно хрустнул. Нога соскочила. Вниз полетела горсть осколков, и принцесса испуганно сглотнула – на крик не хватало воздуха. Она потеряла равновесие, закачалась и больно ударилась о башню плечом. Руки съехали ниже, кожу обожгло. Болели не только мышцы, но и ободранные ладони.

Принцесса взглянула вниз. Еще так далеко! Глаза предательски щипало – готовились брызнуть горячие слезы. Но перед взором всплыло лицо отца, красное и злое. Еще немного, и он ударил бы дочь – она в этом не сомневалась. Осознание ужасной несправедливости придало сил. Принцесса глубоко вдохнула, вновь оцупала каменную кладку и продолжила спуск.

Когда она оказалась на лужайке, ноги дрожали, а колени подгибались – пришлось сесть прямо на землю, чтобы успокоиться. Подумать только, она впервые касалась травы! Девочка не удержалась и запустила в зелень пальцы, поглаживая и оцупывая травинки. Они казались такими хрупкими и нежными! Но принцессе было рано расслабляться.

Она поднялась на ноги и встала под тенью ближайшего дерева, не упустив возможности погладить шершавую кору. Ладони саднило.

В башнях по обе стороны от ворот по стойке «смирно» стояли рыцари. Их спины, облаченные в латы, отражали лучи заходящего солнца и отбрасывали блики на камни.

Рыцари рассредоточились: часть двинулась на винтовые лестницы, часть взялась за луки и копья, а часть осталась наблюдать за лесом снаружи. Движения были привычными, отточенными за годы службы.

Принцесса бросилась через лужайку к воротам, пригибаясь, словно под обстрелом. Она старалась быть неприметной. Раздался страшный скрип, заворочались тяжелые механизмы, заскрипели толстые веревки. Открылся проем между сторожевыми башнями, и выехала телега, груженная продуктами – значит, досмотр уже завершили. Девочка припала к стене у прохода. Мысленно она просила у Мальчика остаться незамеченной. Взвизгнули колеса, телега проехала мимо, и принцесса шмыгнула в сужающийся проем. Дверь за спиной захлопнулась.

Девочка оказалась за стенами родного замка. Одна, без семьи, друзей и слуг. Но ей не было страшно. Она раскрыла объятия приключениям, ждущим за порогом.

Пока Энн рассказывала, Лесные Духи заключили девушку в светящийся кокон. В отличие от комаров, они держались на расстоянии вытянутой руки.

Наступила тишина. Кокон завращался, искры стали яркими тонкими полосками. Они сливались в сплошной поток, и в самом центре столба света стояла Энн. Глаза слезились от мелькающих «светлячков», ресницы слиплись от соленой влаги, но оторвать замороженного взгляда было невозможно.

Не останавливая кружение, Духи заговорили:

– Тебе нас не обмануть! История не окончена.

– Пока что я не знаю, что будет дальше. Скажу только, что перед принцессой было две тропинки: надежная каменная, ведущая напрямую в город, и земляная, ведущая окольными путями, через лес и поля. В страхе погони она выбрала вторую. Но сказка не дописана.

Огоньки остановили безумное движение и, отлетев в сторону, сгруппировались в плотное облако. Оно возбужденно искрило и потрескивало, казалось, еще немного – и полетят молнии,

сопровожаемые раскатами грома. Энн смотрела на это совещание, боясь дышать. Понятно было одно: сделай она неверное движение, и Духи расценят это как побег. И что будет тогда?

Наконец, Духи Леса вновь заговорили:

– Не в наших правилах отпускать путников без полной оплаты, но за тебя замолвили слово. Мы пропустим при одном условии.

Энн склонила голову. Хотела сделать реверанс, но передумала – неизвестно, как волшебные существа оценят такой жест. Интересно, кто и почему за нее заступился?

Духи продолжили:

– Ты обязана вернуться в Сильварию через двенадцать урожаев и завершить рассказ.

Искрящееся облако рассыпалось, перестроилось в яркую стрелку. Ее конец нетерпеливо подрагивал, указывая направление. У Энн вырвалось:

– А что будет, если я не вернусь?

Стрелка опустилась ниже, будто склонила голову. Помолчала, покачиваясь в воздухе, и прошептала:

– Мы поможем завершить историю так, как посчитаем нужным. И заберем ее другим путем. А теперь – ступай.

Энн бросило в жар. А ведь Лесные Духи казались такими милыми и добрыми слушателями...

Рассвет тронул верхушки деревьев. Косые лучи, пробившиеся сквозь кроны, упали на поляну. Стрелка растаяла, а прямо под ней появилась тропинка. Настоящая, хорошо протоптанная. Такая долгожданная.

Девушка не знала, что ждет впереди – будущее маячило так далеко, что даже его очертаний было не видно. Но она твердо знала: ей нужно в город, в этот чудесный мир возможностей и путей. И даже не догадывалась, к каким обретениям и лишениям приведет эта дорожка.

Глава 2. Страх

Тропинка уверенно вела сквозь чащу, виляя меж холмов. Неожиданно она раздвоилась – и никаких табличек с указаниями «направо пойдешь – приключения найдешь, налево пойдешь – дурака встретишь». Энн закрыла глаза, раскрутилась и, остановившись, ткнула пальцем в случайную сторону. Пожала плечами: направо – так направо.

Вскоре показался широкий ручей. Энн облизала пересохшие губы и подошла к берегу. Нагнувшись, она мельком заметила свое отражение и ахнула: все лицо усыпали веснушки, которых не было раньше! Энн зачерпнула ледяную воду ладонью и сделала глоток. Зубы тут же заломило, но как было вкусно! В замке воду отстаивали, пропускали через песок и кипятили – в сказках такую бы назвали «мертвой».

На противоположном берегу виднелись крыши домиков. Девушка огляделась в поисках бревна или узкого места, которое можно перепрыгнуть, но не увидела ничего похожего. Значит, вброд.

Влажные камни блестели на солнце – даже издали было видно, насколько они скользкие. Поэтому Энн сосредоточилась только на том, чтобы не упасть. Сняла туфли и, подобрав подол ночной рубашки, спустилась с невысокого берега в ручей. Пальцы тут же свело судорогой – они изогнулись под странными углами, а икры пронзила резкая боль. Энн закусила губу, сдерживая крик. Пора учиться справляться с трудностями и держать себя в руках.

Пришлось несколько минут постоять в ручье, привыкая к температуре и ожидая, когда пройдет судорога. Казалось бы, в восемнадцать лет здоровья должно быть на всю семью. Но «молодежь уже не та», как часто говорил дворцовый лекарь. Постепенно пальцы вернулись в привычное положение, боль отступила. И только зубы продолжали выстукивать неровный ритм.

Энн двинулась к противоположному берегу, выбирая крупные камни. Задача оказалась легче, чем думалось на первый взгляд. Правая нога уже зависла над последним выступом, когда левая предательски заскользила. Энн покачнулась. Размахивая руками, вновь поймала равновесие, постояла в полной неподвижности, глубоко вдохнула. Слишком поспешно двинулась дальше – и полетела в воду. Нога нарисовала широкий полукруг, а бедро обожгло болью при ударе о булыжник. Вода брызнула высоким фонтаном.

Кто бы мог подумать, что ледяная ванна так бодрит? Энн выскочила из ручья и даже не запомнила, как карабкалась на другой берег.

Отдышалась, с опаской ошупала ногу – синяка не избежать, но кости были целы. Отжала, как могла, подол рубашки и порадовалась, что на ней нет громоздкого платья с сотней юбок – в таком она бы, пожалуй, в один миг утонула. Вспомнила о туфлях и огляделась. Одна – лодочкой качалась у самого берега, и Энн ловко выловила ее веткой. А вот второй не было видно.

Тропинка, которая так верно вела через лес, на этом берегу обрывалась. Девушка побрела вниз по течению, стараясь двигаться как можно быстрее и выбирать дорогу так, чтобы чаще находиться на солнце. Выходя из тени леса, она с наслаждением жмурилась и замедляла шаг, стараясь вобрать в себя все возможное тепло. Волосы превратились в противные сосульки, мурашки бегали по коже дружными табунами, ноги мелко дрожали. Даже сердце, успевшее изрядно промерзнуть, не досчитывало ударов.

Вторая туфля вскоре нашлась – из воды торчала коряга, за которую та и зацепилась. Но Энн заметила и кое-что еще. С одного берега на другой был перекинут мостик, сколоченный из хороших, толстых досок. И тропинка, ведущая на него, как ни в чём не бывало продолжалась дальше. Предательская развилка! Если бы только Энн выбрала тот, другой путь! Если бы раскрутилась сильнее или пальцем ткнула чуть левее...

Стараясь изничтожить гадкие мысли, пожирающие душу, Энн вернулась на тропу и тут же вздрогнула.

– Ой, девчонка! Откуда выползла такая мокрая? Уж не завелись ли русалки в нашей речушке?

В десяти шагах стоял молодой парень в коротких ярко-желтых штанах и соломенной шляпе. Энн с трудом подавила желание опустить глаза и уставилась в лицо наглеца – тот тоже рассматривал ее без зазрения совести. Когда его взгляд остановился на губах девушки, та резко опустила голову и стала изучать камни под ногами с таким интересом, словно это были мάρгисы. А она бы не отказалась от парочки этих кристаллов – вдруг без всякого обучения научится колдовать и станет, например, невидимой?

– Замерзла, поди. Речка-то с самых ледяных гор стекает! Давай чаем отпою, – снова заговорил парень, прерывая размышления. А потом спохватился: – Та ты не бойсь, я не обижу. А то, шо вид у меня не нарядный – так ведь в поле вышел работать. Как иначе, на солнце да в жару?

Энн очень хотелось ему поверить. Она замерзла, устала и жаждала человеческого тепла. Но перед глазами всплыло лицо мамы: *«Энн, запомни. Люди злые, а ты наивная. Никому не позволяй слишком легко заслужить твое доверие».*

Девушка уже прокрутила в голове все, что будет дальше: как она вежливо отказывается от помощи, как благодарит и отправляется дальше, целая и невредимая. Но настойчивость фермера выдернула из фантазий:

– Ау, есть кто в домике?

Энн собралась с силами.

– Благодарю вас, мне ничего не нужно. Я прекрасно искупалась и иду домой, к родителям, – так твердо, как только могла, сказала она. И, подумав, добавила, – Я каждое утро занимаюсь, так что они меня уже ждут.

Вот так. Он знает, что она не нуждается в помощи, и что, если в скором времени она не вернется в вымышленный дом, семья почует неладное и отправится на поиски.

Фермер хмыкнул и приподнял бровь:

– Может, все-таки чаю? С пирожками. Вкуснее пирожков моей матушки ты точно не едала! А еще она столько историй знает! Хошь – расскажет про древних волшебников, а хошь – про диких зверей. Ну, что скажешь?

На долю секунды – опасную долю секунды – Энн задумалась. Когда в приглашении незнакомца фигурирует другая женщина, становится не так страшно. Еще и покормят! Хотя... А если пирожки отравлены? А если мать с ним в сговоре, и они вместе похищают заблудившихся людей и... Едят их? Продают в рабство?

Энн одернула себя. Пожалуй, стоило читать меньше страшных сказок. Она растянула губы в улыбке, которую так долго прививали ей придворные учителя, в меру вежливой и слегка властной:

– Благодарю. Я спешу, поэтому не смею больше вас задерживать.

Фермер почесал затыло – шляпа при этом несколько раз подпрыгнула на его ярко-рыжей шевелюре – и прокричал вслед удаляющейся Энн:

– Передумаешь – приходи! Меня Харс зовут. Все тут знают.

Лишь спустя сотню шагов Энн осознала, что перестала дышать. Не слишком ли поспешно она убежала? Лицо горело, сердце колотилось. Девушка даже не сразу поняла, куда идет и что происходит вокруг. Она вспомнила о дыхательной гимнастике. Глубоко вдохнула, задержала дыхание и шумно выдохнула. Щеки горели уже не так сильно, туман в голове стал рассеиваться.

Может, зря она так? Сейчас бы сидела с добрыми людьми и уплетала пироги... «Хватит!» – одернула она себя. Путь только начинается, возможностей для общения будет предостаточно. И наверняка попадутся более одетые и образованные собеседники.

Ноги вели девушку без ее участия. Наконец, она очнулась и огляделась. По обе стороны высились толстые стебли, из которых торчали необычные уплотнения с пучками волос. Энн зачарованно провела рукой по плоду. Что это? В сознании заскребся бесенок и прошептал: «Давай, сорви! Смотри, их тут сколько. Пропажи одной никто не заметит!».

Как воспитанная девочка Энн не желала и слышать такие речи. Но как беглянка, жаждущая вкусить свободы – ловила каждое слово внутреннего монолога. И, как ни прислушивалась к себе, не улавливала голос здравого смысла. Боясь передумать, Энн поспешно ухватила плод и дернула. Тот не поддался. Тогда она покрутила его у основания и чуть не упала в пыль – растение с хрустом оторвалось.

Девушка прислушалась. Никаких криков или шагов. Кража удалась. Позорище...

Трофей исчез в котомке за спиной, и начинающая воровка зашагала дальше. Уши еще долго горели от стыда, но внутренний чертенок хвалил и заверял, что с этого момента Энн сможет постоять за себя.

Желудок заворочался, напоминая о пропущенном завтраке. Энн вытащила из котомки галеты и принялась жевать. Делала она это нарочито медленно, растягивала удовольствие, чтобы обмануть желудок. Мол, вот, смотри, у нас полно еды! А сама размышляла, куда бы спрятаться, чтобы разглядеть сорванный плод. Кругом, куда ни посмотри, тянулись поля, из которых тут и там торчали соломенные шляпы работников. Энн узнала пшеницу по характерным колоскам, остальные же растения были незнакомы. Не тому их учат в дворцовой школе... Лучше бы вместо книксенов и видов налогов рассказывали о сельском хозяйстве и культуре простых людей!

Ноги стали заплетаться. Девушка снова споткнулась и, вместо того, чтобы взбодриться, рухнула на край тропы, поросший травой. Только сейчас она поняла, как сильно греет солнце и как она устала. Лучи, которые девушка всю жизнь с таким трепетом ловила из крохотного окна спальни, превратились в злые потоки энергии, жарящие нежную кожу.

Растения с крупными желтыми лепестками – напротив, радовались свету и поворачивали к нему головы. Они отбрасывали узкую полосу тени на траву, вдоль которой расположилась Энн.

Она достала украденный плод, схватила за длинный зеленый лист и потянула. Тот легко поддался и упал на землю, за ним последовало несколько других. Энн добралась до центра и расплылась в улыбке. Она узнала эти желтые зерна! Так и хотелось подпрыгнуть и станцевать в честь победы, но тратить силы на такие пустяки не стоило. Девушка с наслаждением вгрызлась в початок кукурузы. По подбородку потек сок, но это был сущий пустяк.

Когда с обедом было покончено, Энн выбросила обглоданный початок в ближайшие кусты и окрикнула одного из фермеров:

– Подскажите, пожалуйста! Далеко ли отсюда до столицы?

Несколько шляп повернулось в ее сторону. Снова неудобные взгляды. Одна молодая девушка крикнула:

– Недалече осталось. Пройди вдоль морковно-свекольных полей до самого конца, а там и мост в город отыщешь. Осталось полчаса ходу.

Спрашивать, как выглядит ботва моркови и свеклы, Энн не стала – не хватало ещё выставить себя полной дурой. Поэтому она благодарно кивнула и с уверенностью зашагала дальше.

Тропинка стала шире. Если раньше туфли поднимали клубы пыли, заставлявшей чихать, то сейчас они звонко цокали, а вместо протоптанной земли тянулась настоящая мостовая. Красивые аккуратные камни лежали один к одному, выстраивая причудливые узоры.

Энн так увлеклась этой мозаикой, что не сразу почувствовала, как идет по мосту. Добравшись до середины, она ахнула: за широкой бурной рекой возвышались золотые ворота и ослепляли своей чистотой. Они не были частью стены или частокола, а просто стояли в пустоте над... Нет, тропинкой это уже нельзя было назвать. Это была самая настоящая дорога!

– Поберегись! – крикнул взявшийся из ниоткуда возница, и перед самым носом пронеслась телега с двойкой лошадей. Она умчалась в сторону полей и быстро скрылась из вида, но грохот деревянных колес еще долго эхом разносился по округе.

Одной проблемой меньше – ворота оставались открытыми. Над ними гордо выгибалась надпись: «Добро пожаловать в Турию», и чуть ниже – «Гордую столицу королевства Лиоль». Энн шагнула внутрь.

И словно получила чугунной сковородой по голове – таким оглушительным оказался город. Между причудливыми домами, палатками и прилавками сновали люди в ярких одеждах. Торговцы кричали, предлагая «самые сочные персики», покупатели шарахались от особенно настойчивых предложений, попрошайки горестно причитали и кланчили мелочь. В бурном потоке людей сновали телеги и кареты разной величины. Те, что побольше, останавливались вдоль дороги в одних и тех же местах, выпуская и запуская людские потоки. И как только они протискивались сквозь этот бедлам?!

Энн внимательнее пригляделась к домам и ахнула. Они были не из досок или камней, а буквально вырастали из земли единым деревом необычной, широкой и пузатой формы. Обычные тонкие ветви торчали из скругленной крыши и стремились к небу. В полости за окнами, прорубленными в стволах, занимались домашними делами их обитатели. Каждое дерево-дом было уникальным, удивительным, не похожим на соседнее. Волшебным!

Энн пересеклась взглядом с торговцем неподалеку и, опередив красочное восхваление товара, спросила:

– Подскажите, пожалуйста, как получают такие чудесные дома?

Улыбка торговца, который надеялся заработать, угадала. Он посмотрел в указанном направлении и пожал плечами:

– Работа местных Растителей. Не отсюда, что ли?

– Да, я впервые в столице. А кто такие Растители?

– Из какого болота ты вылезла, девочка? Ступай, не мешай мне работать.

Энн не обиделась. Она ведь и правда всю жизнь провела в условном болоте. Мир не видела, но не по своей воле – поэтому винить ее не в чем.

Она побрела дальше, восторженно разглядывая каждое здание и каждый прилавок, заваленный необычными сладостями и ароматными колбасами. Послышались завывающие звуки, и Энн направилась в их сторону.

Это был настоящий дикий хор! Волки, идеально вычесанные, сидели в два ряда: на скамье и вдоль нее. Хвосты двигались синхронно, подражая палочке дирижера – мужчины в высокой шляпе и фиолетовой рубашке. А глотки в два голоса тянули песню. И она трогала! На глаза сами собой наворачивались слезы, хотелось подойти к животным и обнять каждого по очереди, а потом подарить по сосиске.

Горожане проходили мимо, не обращая на представление никакого внимания. К музыкантам приблизился мужчина в строгой форме и, нахмутив брови, что-то сказал дирижеру. Тот вытянул вперед палочку, вращая ее и демонстрируя со всех сторон. Пока служитель порядка внимательно разглядывал инструмент, хор вторил всем движениям палочки. Интонации то улетали до самых облаков, заставляя стекла домов дрожать, то спускались до таких нот, что зудело в ушах. Наконец, осмотр был окончен, и хор вернулся в привычные музыкальные рисунки.

Энн вдохнула полной грудью. Воздух... Воздух был пропитан бытовой магией и мелкими чудесами. Этот запах невозможно описать словами – Энн чувствовала, как в груди взрываются крошечные фейерверки. Она иногда испытывала это ощущение. Фродт, престарелый советчик отца и придворный маг, показывал чудеса. Однажды ему даже влетело за это – на десятый день Рождения Энн он заставил каменные статуи в дворцовых холлах танцевать хороводы. Слуги

потом неделями вычищали ковры от мраморной крошки – зато Энн всерьез задумалась о том, как здорово было бы научиться колдовать и каждый день превращать в праздник.

Кто-то толкнул в плечо. Энн хотела возмутиться, но ее обступила целая толпа – и каждый спешил в свою сторону.

Энн сдвинулась на край дороги. Это оказалось непросто: ее все время норовили сбить с ног или пихнуть локтем. В ушах гудело. На одном из магазинчиков была вывеска «Лавка Гримси», и девушка нырнула внутрь в поисках укрытия.

Первое, что бросилось в глаза – табличка «РУКАМИ НИЧЕГО НЕ ТРОГАТЬ!». Она свисала с потолка на тонких нитях и слегка раскачивалась, крупные буквы кричали на каждого нового посетителя.

Тяжелые стеллажи, пыль с которых не убиралась со времен открытия лавки, тянулись вдоль всего помещения. На них лежали диковинные вещи: кристаллы в виде пирамид в изящных металлических оправках, куклы с живыми лицами, плюшевые игрушки,двигающиеся сами по себе. Леденцы сверкали так, будто их только что облизала орава детей, а обертки с шоколадом предупреждали: «Во избежание слишком темного загара съедать не более дольки в день». Сердце в груди радостно кувыркнулось: это же настоящая волшебная лавка!

В глаза бросился шкаф, стоящий в дальнем углу. Его до самого верха заполняли книги – от ветхих журналов с загнутыми углами до солидных томов, которые невозможно снять с полки в одиночку. Один из корешков мягко мерцал, подзывая к себе.

Энн часто заморгала в надежде сбросить наваждение, но свечение не исчезало и, более того, усиливалось с каждым шагом, пока не стало слепить ярким белым светом. Как во сне, девушка вытянула руку и погладила корешок. Тот приятно грел ладонь, пальцы слегка покалывало. В следующее мгновение Энн уже снимала книгу с полки, а сердце отчаянно колотилось.

Она раскрыла нежно-зеленый томик в случайном месте. Пусто... Энн разочарованно опустила плечи и уже хотела вернуть книгу на место, как вдруг на странице стала появляться картинка. Линия за линией, штрих за штрихом вырисовывалась большая клетка с золотыми прутьями, а внутри нее сидела крохотная птица.

Энн с восторгом разглядывала ярко-оранжевые перья, когда блестящие глаза внезапно моргнули. Птица встрепенулась, слетела с жерди и, пнув дверцу крохотной лапкой, вылетела наружу. Она не ограничилась краями страницы – и, выпорхнув из бумаги, взмыла под самый потолок.

Она кружилась в лучах солнца, пробивавшихся снаружи, словно купалась в их тепле. Радостно чирикнув, птица спикировала вниз и приземлилась к Энн на плечо. Малышка переступила лапами, устраиваясь поудобнее, и нахохлилась в яркий пушистый шар.

Волшебная книга? Энн с интересом разглядывала непрошенную гостью и прислушивалась к ощущениям. Вновь, как в лесу, не было ни испуга, ни сильного удивления – словно так и должно было случиться. На сердце было хорошо и тепло, оно словно тянулось к птичке.

– Назову тебя Чуда, – прошептала Энн.

Поколебавшись, она бережно закрыла книгу и собралась поставить ее на место, но грубый голос у самого уха заставил подпрыгнуть:

– Стоять! Думала, я не замечу?

Над девушкой вырос громила. Его близко посаженные глаза недобро сверкали. А лицо заняло весь обзор – но особое внимание привлекала уродливая бородавка на носу, из которой торчала пара тонких волосков. Энн попятилась. Больно ударилась локтями о шкаф, и по телу пробежала искра боли. Чуда, чирикнув, взлетела и спряталась под воротником рубашки. Энн тихо спросила:

– Не... не заметите что?

Тройные подбородки всколыхнулись, указав на книгу:

– Что ты, не оплатив, хватаешь грязными руками мой товар!

Энн оцепенела, глаза в ужасе распахнулись. Уже второй раз она попадает впросак! Как можно быть такой глупой – сбежать из дома без гроша в кармане?.. Вернув взгляд на громилу, Энн прошептала:

– Простите. У меня нет денег.

– Мой товар нельзя облапать и, как ни в чем не бывало, вернуть на место. Придется отработать, госпожа воровка. Или ты думаешь, Дневники Души на деревьях растут?

Энн учила уроки и знала, что бумагу и правда делают из древесины. Девушка уже открыла рот, но ее грубо прервали. Хозяин лавки схватил пальцами-сардельками воротник, из-под которого раздался испуганный писк, и проревел в ухо, брызгая слюной:

– Даю тебе три месяца. Никаких выходных. Метла в подсобке, спать будешь там же. Попытаешься сбежать – удвою цену. Приступай!

Он швырнул Энн в сторону. Чуда возмущенно чирикнула, вылетела из-под воротника и стала размахивать крыльями, изображая крохотные кулаки. Энн шикнула и, ухватив хвост, спрятала боевую подругу обратно. Она могла прямо сейчас оставить несчастный дневник и броситься бежать – почти наверняка этот толстяк не догонит. Но было что-то во взгляде лавочника... Суровое, жесткое, не терпящее никаких возражений. Властное. Волна смирения и покорности поднялась от низа живота и захлестнула по самое горло, мешая ровно дышать и связно мыслить. В голове все смешалось.

Энн склонила голову и тихо спросила:

– Где я могу набрать воды?

Глава 3. Надежда

Сегодня на завтрак были обрезки хлеба и пригарки со сковороды. Снова. Что ж, это лучше, чем два дня назад – когда Энн досталось восхитительное «ничего». Повезло, что Гримси не любил корочки, и их можно было есть без страха быть наказанной.

Чуда вернулась с утреннего облета и заняла уже привычное место на плече. Она демонстративно принялась чистить перья, показывая: пыли все еще слишком много.

Вздыхнув, Энн взяла тряпку и принялась мыть книжный шкаф. Казалось, он был волшебным предметом, а не частью интерьера – иначе как объяснить то количество пыли, которое накапливалось на нем всего за несколько часов?

Спина громко щелкнула, возвращая на место сместившийся за ночь позвонок. Мышцы привычно ныли. Сегодня поспать не удалось – хозяин запретил выставлять ведро из подсобки, и всю ночь Энн пыталась подобрать наименее неудобную позу кренделя. Если таковая вообще бывает.

Брякнул колокольчик. Тяжелые ботинки застучали по полу с такой силой, что стеллажи подпрыгивали с каждым шагом.

Энн не отвлекалась от работы, натирала каждый корешок на полке. Будь возможность – она бы растворилась в воздухе или превратилась в никому не нужный томик по садоводству.

– Это что?! – от крика здание всколыхнулось, как желе.

Энн подняла глаза. Гримси упер руки в бока и принялся буравить взглядом. Не дожидаясь ответа, он проревел:

– Средь бела дня! Госпожа воровка, кем бы ты себя ни возомнила, ты очень об этом пожалеешь!

Неужели Гримси спустя целый месяц все-таки заметил Чуду и решил наказать за животное в своей драгоценной лавке? Птица, словно услышав мысли хозяйки, прижалась к ней так сильно, что стала похожа на невзрачный рыжий холмик. На всякий случай Энн потупила взор и громко и четко, как ее учили, сказала:

– Прошу простить, мастер. Больше не повторится.

– Не повторится что? – Гримси расплылся в улыбке.

Энн непонимающе переводила взгляд с широкой сросшейся брови на изогнутые губы и обратно. Чуда выглянула из-под крыла – черный глаз-бусина сверкал с любопытством.

– Да я пошутил, – усмехнулся Гримси, и, как следует изучив растерянное лицо девушки, расхохотался.

Подбородки подпрыгивали над идеально круглым животом, из глаз текли слезы, которые шутник смахивал краем своего мешковатого серого балахона. Отдышавшись, лавочник махнул рукой и с трудом выдавил:

– Иди... Отдохни.

Энн не нужно было повторять дважды, и через пару прыжков она уже ютилась в своей каморке, обнимая швабры и восседая на перевернутом ведре. Этот день отличался от прочих. Чем еще он удивит?

Руки привычным движением вытащили Дневник Души из тайника под половицей – он обнаружился в первое утро, когда Энн случайно сдвинула ее ногой в беспокойном сне. Тридцатая страница мало чем отличалась от всех предыдущих. Серая бумага. В самом верху белел просвет, а под ним рассыпались красные искры. Никаких больше золотых клеток с чудесными птицами.

Чуда сидела на краю дневника, понутив голову. Внезапно она встрепенулась, откусила узкую полоску серой бумаги и, оценив длину, аккуратно вставила ее в хвост. Потом расправила крылья и взмыла под потолок. В этот раз не было солнечных лучей, в которых перья перели-

вались бы всеми оттенками оранжевого, да и круги оказались куда более скромных размеров – но картина все равно завораживала.

Энн улыбнулась и захлопнула дневник – разворот сверкнул свежими всполохами яркого цвета.

Дверь без предупреждения открылась.

– Чего расселась? А ну топай своими ножками полы драить. Справишься сегодня без подсказок – разрешу в следующий раз почистить маргисы.

Гримси исчез из поля зрения так же быстро, как и появился. Энн набрала в ведро воды, намочила тряпку и хотела уже надеть ее на швабру, но подпрыгнула от новых инструкций:

– Никакой швабры! Хочу, чтобы каждый закуток лавки был вымыт до блеска этими прекрасными белоснежными ручками. И если хоть одно пятнышко... – веселое брнчание колокольчика прервало тираду.

Гримси сменил выражение лица так неожиданно, словно съел целую пригоршню увеселительных леденцов. Губы растянулись в радушной улыбке, кулаки разжались и раскрылись в приветственном жесте. А ноги уже вели к новому покупателю.

Угрозы в лавке раздавались чаще любых других реплик, и нередко исполнялись в полной мере. Энн вспомнила, как однажды ее заставили счищать пыль со шкафа спичкой с намотанным кусочком ваты – но как только девушка переходила к следующей полке, предыдущая вновь покрывалась грязью. Или как ей вручили зубочистку и наказали прочистить каждую щель в деревянном полу, с чем невозможно было управиться и за неделю.

Мокрая тряпка, которая в прошлой жизни была ночной рубашкой, шлепнулась на пол. На Энн давно болталась грубая рубаха из мешковины, которая натирала в подмышках и уже в день вручения пахла так, что слезились глаза. Энн присела на корточки и принялась елозить непослушными руками – пол был таким грязным, что как бы часто она ни меняла воду, разводы становились только заметнее.

За работой глаза сами собой метнулись к прилавку. Там молодой человек в шляпе с широкими полями и клетчатой рубашке что-то объяснял Гримси, жестикулируя. Он показался Энн смутно знакомым, но вспомнить, где она его видела, никак не получалось.

Чуда задремала на краю ведра. Она сидела на одной лапке, подтянув вторую к теплому животу, и слегка покачивалась. Ведро скрипнуло по полу – Энн сдвинула его на новое место. Чуда дернулась, не удержала равновесия и с громким бульканьем свалилась в мутную воду.

Покупатель и Гримси одновременно повернулись на звук. Энн, скорчив извиняющуюся мину, прошептала: «Ай». Птица вынырнула, спрыгнула на пол, встрепенулась. И возмущенно чирикнула, напоминая о работе. Не хватало еще получить новую взбучку за безделье. Энн вновь схватилась за тряпку и принялась тереть.

– Госпожа воровка! С вещами на выход! – рявкнул Гримси. На его лице не было и тени улыбки, под глазами пролегли мрачные тени.

Она не поверила. Ей ведь сказали три месяца. Что это значит? Ее выкупает новый хозяин?

Словно в подтверждение догадок звякнул мешочек, передаваемый из рук в руки. Гримси снова окрикнул:

– Руки в ноги – и вон отсюда!

Времени на размышления не было. Насколько суров будет новый хозяин, она разберется потом, но вряд ли он хуже Гримси.

Чуда чирикнула и махнула головой в сторону подсобки. Дневник! Энн бросилась за сокровищем, добытым с таким трудом, и, сунув его в потрепанную котомку, подбежала к молодому человеку. Он улыбнулся – и на щеках пролегли ямочки. Без лишних слов парень махнул в сторону двери, и они вышли вдвоем на залитую утренним солнцем улицу, где уже всю сновали пешеходы.

– Ты наверняка голодная, – голос молодого человека так разительно отличался от грубого и громкого голоса Гримси, что все напряжение Энн отступило, плечи расслабились. Боясь разреваться прямо на улице, она молча кивнула.

– Я Сол, – пробормотал парень сквозь набитый рот.

– Я... Меня зовут Энн.

Энн украдкой взглянула на стопку бутербродов между ними. Котлеты между ломтями черного хлеба сочились жиром, а кругляши огурцов пахли так, что приходилось время от времени сглатывать слюнки. Дожевав очередной кусок, Сол приподнял бровь:

– Ты чего не ешь? Налетай! Знаю я, как скупердйя Гримси кормит своих рабов. Был на твоём месте.

У Энн даже зверский аппетит отступил, и вопрос вырвался сам собой:

– И ты? Как тебя угораздило?!

Парень улыбнулся, снял шляпу и бережно уложил ее на край скамьи. В глаза бросилось кольцо с маленьким прозрачным маргисом, нанизанное на мизинец. Темно-русская копна волос неряшливо топорщилась в стороны.

– Расскажу, как только опустеет эта тарелка.

Энн набросилась на бутерброды с такой жадностью, словно последний месяц еды даже в поле зрения ни разу не бывало. Чуда, затаившаяся под столешницей, тоже осмелела и принялась подбирать крошки.

Родители не разрешали ей так питаться. Папа учил, что будущая королева обязана прожить долгую и здоровую жизнь, а мама постоянно напоминала о «предрасположенности женщин из их семьи к чрезмерной полноте». Конечно, повар баловал Энн: то сухариков отсыплет, то в ягодный компот «случайно» добавит больше сахара, чем нужно. Но вредные сладости редко бывали в рационе принцессы.

Гора еды за несколько минут перекечевала в желудки. Когда Чуда, раздувшись раза в два, завалилась на спину и начала тяжело дышать, Сол откинулся назад и заговорил:

– На самом деле, моя история не особо отличается от твоей. Шел мимо витрины, увидел кольцо из редкого сплава с небольшим осколком маргиса и, как зачарованный, вошел в лавку, без задней мысли взял его посмотреть. Кстати, ты знаешь, почему маргисы вытачивают в виде пирамиды с четырьмя гранями?

Энн покачала головой: она даже никогда не задумывалась об этом. Да и до Турии видела всего один маргис на браслете у Фродта – большой черный камень, какой обычно носят советники. Сол продолжил:

– Широкое основание прилегает к коже волшебника и собирает эмоции, а острая вершина концентрирует их и таким образом влияет на реальность.

– То есть, без кристалла творить магию не получится?

– Ага. Первый кристалл, совсем крошечный, выдают в Высшей школе магии. А после обучения выпускники получают разрешение на покупку кристаллов крупнее и мощнее. Так вот. Я почти уверен, что старина Гримси не грешит зазывать с помощью заклятия привлечения.

Энн округлила глаза:

– А что, и такое есть?

– Конечно. Городские службы стараются отслеживать его использование, и пару раз даже наказывали за подобное жульничество, но чужие примеры не помогли запугать прочих торговцев. Я успел только примерить кольцо, а Гримси уже возник передо мной, словно из ниоткуда, и давай кричать. Растерялся я тогда – жуть. Мне лет тринадцать было, малой совсем. О Высшей школе магии только мечтал и думал: а ну-ка, попробую. Вдруг у меня талант, поступлю без экзаменов...

Чуда смогла подняться на лапки и больно клюнула в руку. Энн словно вынырнула из-под воды – оказывается, она все это время не моргая смотрела на Сола. Было в его внешности что-то... завораживающее. Как он махал рукой с остатком бутерброда, который никак не долетал до рта. Как на щеках появлялись ямочки, такие милые, что их хотелось потрогать и убедиться, что они и правда существуют. И как блестят глаза. Энн была готова утонуть в этих глазах цвета молочного шоколада со светлыми прожилками. В них было столько тепла и глубины, столько жизни!

– Ты еще здесь? Или улетела в облачные дали? – Сол выдернул ее в реальность.

– Да-да, извини, – Энн почувствовала, как щеки наливаются румянцем.

– На самом деле, отработать я успел недолго. Через два дня за мной пришел отец и выплатил баснословный долг за кольцо. Все в городе знают – если у тебя исчез знакомый, первым делом стоит навестить лавку Гримси. А он цену свободе знает.

– Но, если все об этой схеме знают – как она продолжает работать? Почему не вмешаются стражи порядка?

Сол покачал головой:

– Либо им все равно, либо Гримси отчисляет проценты.

– Это нечестно! – воскликнула Энн, ударив кулаком по столу. Чуда подпрыгнула и грозно посмотрела на хозяйку, но вслух выражать недовольство не стала.

Сол горько усмехнулся:

– А ты думала, в сказку попала?

– Ну... В общем-то, да. Я всегда мечтала оказаться в большом мире, увидеть чудеса и узнать много нового.

– Большие чудеса обещать не могу. Но готов сделать все, что в моих силах.

От улыбки Сола в животе расплылось тепло, сердце забилось чаще. Со стола взлетели бумажные салфетки, сложились в фигурки журавлей и стали кружить над головами, тихо шурша крыльями. Чуда хотела было к ним присоединиться – но полное пузо тянуло вниз, поэтому после третьей попытки подняться в воздух она махнула на затею крылом и наблюдала за пируэтами со столешницы.

Когда журавли вернулись на место и расправились обратно в плоские квадраты, Сол спросил:

– А ты откуда такая взялась?

Энн потупила взгляд. Ей страшно неловко было смотреть в глаза, и она начала рассказывать историю, обращаясь к столу:

– Родители всю жизнь держали меня взаперти. Папа говорит – чтобы огородить от опасностей и сделать достойной ко... Кондитершей.

Она ощущала на себе сверлящий взгляд. Осуждающий? Или любопытствующий? Кончики пальцев застыли от волнения. Руки нащупали салфетку и стали рвать ее на полоски. Энн подняла глаза на парня.

– Я читала много книг, и всегда мечтала оказаться одной из героинь! Недавно стукнуло восемнадцать. И я поняла, что пора брать жизнь в свои руки и ни от кого не зависеть. Тем более от родителей.

Его глаза жадно буравили. Парень словно готов был проглотить девушку вместе с ее неоконченной историей. Салфетка в руках превратилась в мелкие клочки, ее заменила новая.

– И я сбежала из дома. Собрала котомку с самым необходимым и ушла. Знаешь, я часто мечтала об этом в детстве. Писала списки: что возьму с собой, что буду есть в лесу. Рисовала карту: куда пойду и как доберусь до города. В своей комнате тренировалась строить шалаши – правда, из подушек и одеял.

Глаза в глаза. Немигающие зрачки. В голове пульсировало: «Бежать! Надо бежать!». Энн бросила быстрый взгляд на Сола и вернулась к линчеванию салфетки. Полоска за полоской. Сол не обратил на это внимания и спокойно сказал:

– Да, я тоже так делал. Только в лес я все-таки выбирался, и построил настоящий шалаш из толстых прочных веток. А однажды даже заночевал в нем, когда меня все достали.

Мягкий голос неожиданно успокоил, сердце угомонилось. Значит, Сол спокойно воспринял ее волнение. Может быть, даже получал удовольствие от разговора. Энн осенило:

– А почему ты спас меня? Мы ведь даже не знакомы.

– Почему? Очень даже знакомы, просто не были представлены, – усмехнулся Сол и продолжил: – Я до сих пор люблю заглядывать в витрины Гримси. Однажды увидел, как ты пытаешься превратить пол в зеркало с грязной тряпкой в руках. Тогда не обратил внимания – торопился. А на следующий день заметил тебя снова. Кажется, ты пыталась приладить оторванную лапу ошалелому скачущему зайцу.

Энн хорошо помнила тот день. Плюшевому засранцу надоело сидеть на полке – и он решил сбежать. Поймать аккуратно не получилось – заяц убежал, а лапа осталась в руке. Пришлось долго просить прощения и осваивать искусство шитья «на живую». И, конечно, торговаться за молчание. Если бы Гримси об этом узнал...

Энн вздрогнула. Тогда, накладывая последние стежки, она глянула в окно – и увидела, как за ней наблюдает парень в шляпе. Так это был Сол!

– Ты еще так смешно кончик языка высунула, прилаживая лапу. Старательно, с чувством, – хохотнул он, – В какой-то момент я понял, что попал в зависимость. Если проходил мимо лавки и не видел тебя – было не по себе. В последний раз стало физически плохо! И понял, что надо тебя спасти – иначе Гримси в могилу сведет. На самом деле, я потратил все свои сбережения – но монеты приходят и уходят, а жизнь ценнее всего.

Салфетка в руках была разодрана лишь наполовину. Последнюю минуту Энн ее бездумно крутила в пальцах, чересчур увлеченная, чтобы продолжить уничтожение.

Сол перевел тему:

– Так ты говоришь, хочется сказки и волшебства?

Энн улыбнулась и энергично закивала.

– Тогда второкурсник Высшей школы магии – к твоим услугам!

Глава 4. Нежность

Все волнения отступили. Исчезли ледяные путы страха, охватывавшие грудную клетку, потеплели кончики пальцев. Ключки истерзанных салфеток остались лежать аккуратной кучей в центре стола.

Было так странно гулять по городу, да еще и рука об руку с красивым молодым человеком! Чуда, восседая на плече, насвистывала мелодию. Вокруг Энн с Солом надулся огромный бесцветный пузырь, огораживающий от остального мира. Звуки горожан, телег, торговцев и музыкантов почти не долетали до ушей, оставаясь шумом на грани слуха.

– Так, – Сол без стеснения осмотрел спутницу и продолжил, – предлагаю тебя переодеть во что-то... Более подходящее юной леди.

Энн виновато улыбнулась, а затем ужаснулась – от нее же наверняка жутко пахло! Даже не пахло – воняло! Девушка задрала руки над головой, делая вид, что потягивается, и как бы невзначай вдохнула – совсем чуть-чуть, на малую долю легких – и еле сдержала кашель отращения. Ее балахон из мешковины, торжественно переданный Гримси, вонял всеми прежними владельцами.

Пузырь вокруг лопнул, и с ног чуть не сбили звуки, ворвавшиеся в прежнее спокойствие. Вдоль дороги тянулись ряды деревянных палаток с прилавками, заваленными тряпками и обувью. Люди подходили, щупали, подносили ткани к глазам и даже нюхали – наверное, чтобы пахло исключительно ручной работой, без ноты магии.

– Пойдем. У меня здесь работает хороший знакомый, – Сол схватил Энн за руку и потащил куда-то сквозь людской поток. Пальцы, хоть и крепкие, сжимали бережно, словно пальцы девушки были сделаны из тонкого хрусталя.

Женщины деловито расчищали дорогу сквозь толпу для мужей, груженных корзинами и сумками. И парочка, воспользовавшись живым тоннелем, нырнула в проход между палатками, а потом в еще один. Потянуло пряностями, ягодами и цитрусами. Густой горячий пар поднимался из гигантского котла на прилавке неподалеку. Так и хотелось зацепиться ноздрями за аромат и направиться по нему прямо к этому напитку! Энн двинулась было в ту сторону, но Сол легонько одернул ее и повел в противоположную.

– Фотис, друг, подбери что-нибудь для этой дамы, – обратился Сол к парню в очередной палатке. И мягко ткнул Энн в спину, подталкивая вперед.

– Здравствуй, Сол. Изящное платье или бунтарские штаны? – спросил парень, с энтузиазмом вытаскивая из-под прилавка хрустящие бумажные свертки. Сотни таких уже возвышались горами рядом с ним, абсолютно одинаковые. И как он среди них ориентировался?

Сол вопросительно взглянул на Энн. Та задумалась. Быть как все – в летящем шифоновом платье, притягивая взгляды окружающих – или выбрать практичность и удобство? Она молчала, пока Фотис вежливо не кашлянул, и тихо ответила:

– То, что будет дешевле. Не хочу быть обузой и снова напрягать.

Сол нахмурил брови:

– Ты же об этом не просила, это мой выбор, мое решение. Я сам вызвался помочь девушке, попавшей в беду. И не смей считать себя обузой!

Щеки у Энн вспыхнули. Несмотря на эти слова, она почувствовала себя еще более виноватой и кое-как выдавила:

– Штаны, пожалуйста, и рубашку. Если есть.

– Момент.

Фотис исчез за прилавком. Торчала только самая его макушка с пучком волос, похожим на хохолок. После оглушительного хруста пакетов парень вынырнул с двумя свертками, отки-

нул столешницу, отделявшую его от покупателей, и поманил за собой. Сол вежливо выставил ладонь:

– Я подожду здесь.

Энн шагнула в палатку. Все три стены были завешены одеждой: левая – платьями и юбками, правая – брюками, рубашками и короткими накидками. Переднюю, гордо выставляя на народное обозрение, украшали носки, гольфы и нижнее белье – как мужское, бесформенное и невзрачное, так и женское, тонкое и неудобное на первый взгляд. И все, абсолютно все предметы были в клетку: мелкую и крупную, прямую и волнистую, яркую и почти незаметную.

Фотис – тощий паренек с густой волнистой шевелюрой – взял и прошел прямо сквозь стену с носками. Энн в нерешительности встала перед ней, намертво приклеившись к месту. Решение шагнуть приняли за нее. Из стены высунулась рука, пошарила в воздухе и, схватив Энн, и втащила за собой. Девушка успела только зажмуриться.

– Глаза-то открой, – буркнул мужской голос. Его обладатель, круто повернувшись, исчез.

Энн оказалась в чистой, хоть и тесной, комнате с зеркалом, а на небольшом столе в углу лежали свертки.

– Я что хотел сказать, – из стены показалась голова Фотиса. Ладонью он деликатно прикрывал глаза, – тебе сполоснуться нужно? Могу организовать тучу. Ливня не обещаю – но сбить пыль с тела поможет.

Энн, которая уже начала стягивать осточертевшую мешковину, так и замерла на месте, боясь непрощенных зрителей. Услышав о туче, она удивилась:

– Прямо здесь? Волшебники могут обманывать силы природы?

– Нет, конечно! Мы всего лишь собираем влагу из воздуха рядом и скатываем ее в шар. А потом – пух! И этот шар разлетается каплями.

Пока Фотис говорил, его голос становился сиплым, гнусавым и даже жалобным. Глаз видно не было – но они совершенно точно увлажнились.

– Советую подготовиться заранее. Встань в дальний угол, сейчас запущу.

Энн поспешно скинула жалкое подобие одежды, забыв о скромности – мыться хотелось сильнее, чем скрыть наготу – и встала, куда велено. Чуда возмущенно пискнула, вылетела из кучи одежды и нахохлилась, усевшись сверху.

Фотис шмыгнул носом и скрылся.

Наверху что-то зашевелилось, заворочалось. Энн задрала голову и увидела маленькое облако, по форме похожее на пони. Оно наливалось серым, тяжелело и сжималось в плотную массу, потрескивало и искрило.

На щеку капнуло. Струйка воды скатилась вниз и задержалась в уголке губ, и Энн жадно слизнула ее. На макушку уже приземлялись новые капли, крупные и громкие. Волосы быстро намокали, и, как только фантазия подсунула образ ароматного, душистого мыла, к ногам упал мешочек. Фотис прокричал из-за стенки:

– Это «медвежье мыло». Думаю, пригодится.

Стало неловко. Либо парень читал мысли, что вряд ли, – Энн никогда не встречала историй о таком волшебстве. Либо от нее и правда разило, как от прокаженной. Да уж, юной принцессе не подобает в таком виде знакомиться с будущими подданными. Хотя...

А, какая разница? Все равно перспектива просидеть всю жизнь на троне никогда не прельщала. Кому это вообще может быть интересно, когда снаружи столько всего?!

Энн шепнула в пустоту слова благодарности и, подняв мешочек, раскрыла его. Внутри лежали ярко-синие лепестки – и никакого мыла. Медвежье? Интересно, им на самом деле медведи пользуются?

Пальцы сжали несколько лепестков, растерли. Удивительно – тут же появилась скользкая пена с едва заметным цветочным ароматом. Вскоре уже все тело было растерто, а дождь пошел на убыль. Последних капель едва хватило на то, чтобы смыть куски мыла и островки пены.

Никакому, даже самому пышному и нарядному платью Энн не радовалась так сильно, как этим мальчишеским брюкам с широким поясом и короткой легкой рубашке с капюшоном. Конечно, они были в клетку. Но они были чистыми, нигде не натирали и не напоминали о тяжком труде в лавке Гримси.

Сол, увидев ее посвежевшее лицо, расплылся в улыбке сытого кота:

– Добро пожаловать в чистый мир. Тебе, кстати, идут штаны. Фотис! Я твой должник!

Фотис улыбнулся, показывая неровный ряд зубов, и протянул:

– Брось, друзья помогают друг другу. Надеюсь, – он повернулся к Энн, – с тобой мы еще увидимся и станем ближе. Помощница бы мне не помешала...

– Бросай ты эту вербовку! Не всем нравится лапать чужих людей за деньги, – сказал Сол, сверкнув глазами.

– Та шучу я. Ну ты как маленький!

Парни пихнули друг друга кулаками в плечи. Задиристо, но совсем легко, игриво, чтобы показать – это не серьезно, мы просто дурачимся. И от этой шуточной борьбы стало так светло и хорошо – словно дождь прошел не только в той маленькой комнате, но и в душе.

А потом Сол снова куда-то повел. Мимо котла с ароматным напитком, ровных рядов палаток, кричащих торговцев и вонючей рыбы, смотрящей на мир мутными глазами.

И опять вокруг них надулса бесплотный пузырь, огораживающий от звуков. Люди, лица, яркие одежды и запах специй.

Ребята вышли на гигантскую площадь, выложенную из таких крохотных камней, что с первого взгляда напоминали крупные песчинки. Повсюду были люди, сгрудившиеся в кучки, и Энн, замороженная, направилась к одной из них. Сол ухватил за руку и хотел потащить в другую сторону, но быстро сдался и пошел следом.

Пришлось протискиваться, выбивая путь локтями. Пузырь лопнул – и звуки обрушились на голову, на долю секунды вдавив ее в плечи. Это была музыка. Нежная, прекрасная, переливающаяся. Глаза наполнились слезами, сердце замедлило ход и тягуче заболело. Пел мужчина. Надрывно, жалобно и... Красиво. Рядом с высоким плечистым солистом стоял парнишка с гитарой, с нежностью перебирающий струны.

– Мухлежники, – буркнул Сол, скрещивая руки на груди.

По щекам потекли соленые ручьи, зрители вокруг тоже плакали. Кто-то промакивал лицо платком, кто-то не стеснясь вытирал его подолом платья. Лица раскраснелись, веки опухли. А потом все закончилось. Пузырь спокойствия вернулся на место, и глаза моментально высохли. Энн попыталась вспомнить хоть одну строчку из песни – и не смогла.

– Что это было? – спросила она, прислушиваясь к успокоившимся ударам сердца.

– Аферисты. Гитара, с которой они выступают, зачарована.

– Из-за нее все плачут?

– Не совсем, – Сол скривился, словно съел очень кислый лимон, – На самом деле, она считывает эмоции музыканта, усиливает их в сотни раз и передает каждому, кто ее слышит.

– Ох... Наверное, у этих двоих случилось что-то очень трагичное.

– Со всеми это когда-нибудь случится. И что, других заставлять страдать? К тому же, это не дает им повод использовать экстрактор эмоций!

– Экстрактор? – переспросила Энн, растягивая слово.

– Да. Такие предметы запрещены, но умельцы научились мастерить их копии. Истинный экстрактор может высосать все чувства и эмоции из человека. До смерти! Именно поэтому их в свое время уничтожили. Хотя я не сомневаюсь, что парочку припрятали всякие... Преступники, скажем так. А те, что у музыкантов – дешевая подделка. Помогает им манипулировать людьми, пусть и без серьезных последствий.

«Так вот, почему тот служитель порядка приставал к хору волков» – подумала Энн, вспомнив свой первый день в Турии, а вслух сказала:

– Все старые экстракторы отняли и уничтожили. Но, что, если кто-нибудь создаст новый?

– А это вряд ли. Технологии, заклинания и механизмы давно утрачены, – покачал головой

Сол. – Никаких записей об их создании не сохранилось, а изобрести это заново не позволяет сообщество волшебников.

– А чем они еще занимаются?

– В основном, следят за порядком в городе и помогают своим найти работу. Туда попадают все, кто закончил Высшую школу магии и проработал на благо королевства десять лет.

Энн осенило:

– Но ведь необязательно делиться только негативными эмоциями?

Сол обвел рукой площадь:

– На любой вкус. Можешь прогуляться, послушать.

Он говорил это с таким отвращением, что всякое желание пойти и послушать отпало.

Вместо этого вырвался вопрос:

– Это из-за них ты всегда отгораживаешься пузырем?

– В том числе. Может быть, ты не знаешь – но магия питается эмоциями. И мне вовсе не хочется разбазаривать их на всяких... Прохиндеев. Так тебя ни на что не хватит.

Энн хотела спросить, зачем еще нужен пузырь, но Сол взял ее за руку и, сменив тон с рычащего на мягкий и загадочный, сказал:

– Пойдем, покажу кое-что покруче!

– И где же мы? – спросила Энн.

– За этим лабиринтом – Вышка. Она же Высшая школа магии. За мной! – позвал Сол.

Ребята нырнули в кусты. Издалека зелень казалась страшно колючей, но, к огромному облегчению, это оказался лишь мираж.

Дорожка перед ними разветвлялась сразу в десять сторон.

– Хочешь пройти его сама?

Энн хмыкнула:

– Вообще-то, с верным выбором направлений у меня не очень.

– Тут есть секрет. Разберешься – выйдем отсюда раньше, чем Чуда опять проголодается.

Щеки у птицы покраснели – и как такое может происходить с перьями?

Ноги потянуло на среднюю дорожку, и Энн поддалась чутью. Завернув за угол, она чуть не поскользнулась на луже воды. Чуть дальше от этого места из воздуха бил фонтан. Струйка появлялась из ниоткуда, а затем исчезала за пару сантиметров от земли, не роняя в зернистый песок ни капли. Сол подставил ладонь под поток, вода брызнула в стороны и окатила Энн и Чуду.

– Оставим свой мокрый след в краткой истории дня, – ухмыльнулся он.

За поворотом снова ожидал перекресток, раскинувший в разные стороны свои паучьи лапы. Энн даже не остановилась, чтобы подумать, и уверенно пошла вперед. Сол от нее не отставал, словно заранее зная, какое направление выберет девушка.

Чуда взлетела над изгородью и зависла в воздухе, часто размахивая крыльями. Затем спикировала и принялась активно чирикать.

– Не нужно, не подсказывай ей. Мы ведь играем.

Энн нахмурилась:

– Ты что, понимаешь птичий язык?

– Здесь не нужна магистерская степень, – пожал плечами парень.

Лабиринт вывел на площадку для пинг-понга. Только стол почему-то был перевернут вверх ногами и ракеток нигде не было видно.

Энн остановилась и заглянула в лицо Солу. В его глазах сверкали искры, а губы искривились в хитрой улыбке.

– Я неправильно иду, да?

– Ага. Ты точь-в-точь повторяешь маршрут любого новичка.

Стоило посидеть и подумать – но скамеек не оказалось ни в этом зеленом коридоре, ни в следующем. Энн встала в самом центре перекрестка, закрыла глаза и раскрутилась. Остановившись, она выставила палец – и смело двинулась в противоположную сторону.

По всем правилам географии она должна была оказаться на предыдущем перекрестке – там как раз кто-то оставил шляпу как ориентир. Однако вокруг не было ни людей, ни студентов, ни тем более шляп.

– Лабиринт меняется! – воскликнула Энн.

– Ага. А ты думала, он весь день будет лежать и смотреть, как ты легко и просто его проходишь?

– Что ты имеешь в виду?

– Изгородь живая.

Энн нахмурилась. Ну да, она знала, что растения – это такие же живые существа, которые чувствуют боль, если подрезать ветки. Сол заметил замешательство и хохотнул:

– Не. Изи – живая в том же смысле, в каком и мы с тобой! С сознанием, мыслями и желаниями.

Чуда присвистнула. А Энн подошла к зеленой стене и нежно провела по ней рукой. Листья с готовностью потянулись к теплой ладони, ободряюще защекотали кожу.

– Здравствуй, Изи.

Кусты поблизости расступились, открывая проход. Сол удивленно воскликнул:

– Ого! Обычно она так легко никого не выпускает. Я слышал, как одного первокурсника Изи водила за нос всю ночь и выпустила только после того, как тот свернулся калачиком и уснул, весь в слезах. Странно. Либо ты понравилась Изи, либо...

– Либо что? – переспросила Энн.

– Лучше не думай об этом.

Ребята нырнули в раскрывшийся зеленый тоннель. Он был достаточно высоким, чтобы идти, не пригибаясь и не чиркая макушкой ветки, и широкий, чтобы идти бок о бок. Энн спросила:

– И почему Изи решила отпустить парня?

– Наверное, боялась, что он нагадит, – усмехнулся Сол и сменил тему, – Вот мы и пришли.

Над Энн вырос замок – совсем не такой, как у отца. Высшая школа магии мерцала в лучах заходящего солнца серебристо-фиолетовыми оттенками. Две башни – видимо, одна – для девушек, а вторая – для парней – гордо смотрели на мир бесчисленными окнами, словно подмигивая. Основная часть здания была украшена узорами и рисунками, но разглядеть их не получилось – тут же кружилась голова и подступала тошнота.

Землю под ногами сменил гравий, хрустящий под подошвой. Раздался визг, и над самой головой пролетел парень в высокой шляпе, сплошь усыпанной блёстками, верхом на гигантском вороне. Энн обдало ветром, поднятым крыльями громадины, волосы зашевелились.

На лужайке сидели студенты – кто с книгами, а кто с бутербродами в руках. На всех – и девушках, и парнях – были рубашки в красно-белую клетку.

– Осторожно! – крикнул Сол. Он бросился к Энн, повалил на траву и прижал к себе.

Туда, где секунду назад стояли ребята, упала горгулья. А потом, как ни в чем не бывало, встала и отряхнулась – каменная крошка брызнула в разные стороны. Громко фыркнув, горгулья бросила на Энн недовольный взгляд и взмыла в воздух, а тяжелое хлопанье еще долго разносилось по округе.

– Я, пожалуй, пока не буду ничего спрашивать, – выдохнула девушка и перевела взгляд на Сола. Его глаза были совсем рядом, и в них явственно читались бесинки. Парень наслаждался произведенным эффектом!

Сердце колотилось. Энн отвела взгляд и попыталась освободиться, и Сол ловким движением скатился с нее в траву рядом. Какое-то время они лежали и смотрели на облака. Энн прошептала:

– Так на бегемотов похожи. С крыльями!

– Согласен...

Кончики их пальцев были так близко друг к другу, что между ними вспыхивали невидимые искры. Было так легко. Так просто и прекрасно. Энн вдохнула полной грудью свежий воздух. Здесь, рядом со школой, запах волшебства был таким насыщенным, что назвать его «бытовым» язык не поворачивался. И при этом – место казалось до невероятности правильным!

Солнце склонялось все ниже, воздух свежел и бодрил. По коже пробежали мурашки, и Энн невольно вздрогнула.

– Хочешь чаю? – Сол привстал на локтях.

Вопрос был таким неожиданным, что Энн не сразу поняла значение такого простого слова, как «чай». Неуверенно, просто ради приличия ответила:

– Не откажусь.

Из воздуха – Энн была уверена, что никакой сумки при парне не было – Сол достал бутылку в вязаном чехле и сел.

– Бабушка подарила. Чехол зачарован на сохранение тепла! – гордо заявил он и продолжил – У тебя в рюкзаке есть чашечка. Передай, пожалуйста.

Какая чашечка? Энн так тщательно собирала свою котомку, что была абсолютно уверена – посуды там не было. Но в удивительном месте, с удивительным человеком можно было обнаружить там и гигантского слона.

Откинув клапан, она заглянула внутрь и ахнула.

– Это «чашечка»?

– Ну да. Мне такого объема хватает самое большее на час. Если сильно зарылся в учебники – полтора.

Энн передала Солу предмет, больше похожий на керамический таз с ручкой. Тяжелый таз с ручкой!

Со звонким щелчком пробка вылетела, и все содержимое бутылки оказалось в чашке.

– Держи.

Чай оказался у Энн в руках. Она опасливо заглянула в него и незаметно понюхала напиток, от поверхности которого исходил густой пар.

– Если бы я хотел тебя убить, то сделал бы это не у всех на виду, – тут же раскусил ее Сол.

На запах чай был совершенно обычным. Энн сделала осторожный глоток. А за ним – еще несколько, более смелых.

– Его мне друзья подарили. Выращен в горах, ближе к солнцу – каждый лист пропитался энергией и теплом.

– Он восхитителен! – Энн не удержалась от возгласа, прикрыла губы ладонью и огляделась. Никто не обратил на это внимания. «Заучки» уже захлопывали учебники и торопились по корпусам, и на лужайке оставались небольшие компашки друзей и целующиеся пары.

Энн расслабилась и отпустила все волнения и тревоги. Вспомнилась любимая мамина шутка.

– Сол, а хочешь загадку? Висит на стене и пахнет. Что это?

Парень бережно принял чашку, отпил и сказал:

– Ммм... Осмелюсь предположить, что это пирог!

– А вот и нет. Попробуй еще.

– Хм... Настенный пирог?

– Ну зачем на стене висеть пирогу?

– Чтобы было красиво и вкусно! Отличное дизайнерское решение.

Энн рассмеялась и спросила:

– А если я скажу, что пахло неприятно?

– Протухший пирог?

– Но это же почти то же самое.

– Неправда, на этот раз он протух.

– Ага, пока мы разгадывали загадку.

– Давай другую?

– И ты не хочешь узнать ответ?

– Я и так его знаю. Это пирог!

Болтовня ни о чем грела даже лучше чая, который стремительно исчезал из чашки. Подул ветер, и Энн поежилась.

– Замерзла?

– Немного. Но я не хочу уходить.

– Давай я согрею.

Энн почувствовала, как коготки волнения и страха вновь заскреблись у сердца. Она догадывалась, каким будет ответ, но все равно спросила, невинно хлопая ресницами:

– А как?

– Обниму, например.

Первом желанием было отказаться, вскочить и спрятаться за ближайшим деревом. Но девушка мысленно крикнула своим страхам: «Не сегодня!» и робко кивнула.

Талию обхватила теплая крепкая рука. И тут же по телу пробежал ручеек мурашек, щеко-чущих до самых пят. Энн знала, что такое уют, когда сидела на подоконнике в своей комнате, завернувшись в мягкое одеяло, с книгой в руках. Но это... Это было совсем другое. И так хотелось, чтобы оно длилось целую вечность!

Сол мечтательно протянул:

– Жаль, собаки не летают.

– А вдруг они умеют, но мы не в курсе?

– Не, это вряд ли.

Энн вспомнила сегодняшние облака:

– Вот бегемоты летают, это правда.

– А пироги?

– Нет, ты что, смеёшься? Пироги – это тебе не птицы!

– А бегемоты – птицы?

– Конечно, они ведь летают.

– Тогда выходит, что птицы – это не птицы, ведь они не бегемоты.

– Ага! Бегемоты – они как птицы, тоже умеют летать. Тогда это должно работать и в обратную сторону. Но птицы не бегемоты. А значит, что птицы – не птицы.

– Это гениально...

– Точно!

Энн и Сол рассмеялись в унисон.

Когда находишь «своего» человека – чувствуешь невероятную легкость. Найти такого – большая удача, которой может позавидовать даже самый богатый толстосум. А вот какова вероятность найти человека, который с удовольствием поддержит безумную беседу?..

Сол с легкостью подскочил на ноги и протянул руку. Энн удивилась:

– Куда мы?

– Устраивать тебе жизнь. Я так понимаю, домой ты пока возвращаться не собираешься?

Короткое путешествие закончилось в башне-общежитии, которая возвышалась над основным корпусом школы. На входе они встретили очень худую сморщенную старушку – коменданта.

– Куда идем? – пророкотала она, упирая руки в бока.

– Добрый вечер, – Сол приподнял шляпу. – Это наша первокурсница. Приехала издалека только этим вечером и еще не успела получить документы для заселения.

– Ничем помочь не могу. Вам здесь не гостевой дом.

– Она прошла Изи быстрее, чем за пол часа! – сказал Сол и добавил Энн на ухо: – Если уж привередливый лабиринт тебя легко принял, то эта старушка точно пропустит.

– У этой старушки очень хороший слух, молодой человек!

Комендант встала из-за стола и нависла над парой – такой у нее был внушительный рост. Энн съежилась под ее взглядом.

– Ничего страшного, я прилягу на лужайке. Я спала и в более суровых условиях, – начала она, но ее тут же оборвали.

– Никто не смеет терять надежду в этом учебном заведении! – старуха отвела глаза от парня. – Как вы планируете, будучи Крестной, воспитывать малышей? Какой пример будете подавать им, м?

– О, поверьте, – встрял Сол, – Она точно не пойдет на этот факультет – скорее вступит в ряды порядочников.

– Да? – комендантша поджала губы и сощурила глаза.

Энн не понимала, о чем идет речь, но на всякий случай кивнула, причем, так резко, что в шее что-то щелкнуло.

– У меня здесь живет подруга, у которой как раз соседка недавно съехала. Могу я проводить Энн к ней? А завтра заселите официально. Ну пожалуйста! – взмолился Сол.

– Слишком много у вас подруг, не находите?

В этот раз комендантша сказала ровно то, о чем подумала и сама Энн, и в груди кольнуло новое, неожиданное и неприятное ощущение. Она постаралась себя успокоить – может, на той девочке женский круг знакомых и заканчивается?

– Ладно, идите, – ответила комендантша и, когда ребята двинулись к лестнице, крикнула вслед: – Завтра жду от вас плитку шоколада в благодарность! А то ишь, распоясались. Привыкла молодежь на все готовенькое приходить!

Когда причитания затихли, Энн спросила:

– Крестные? Как в сказках, феи-крестные?

Сол приподнял бровь:

– У тебя не было такой? Их прикрепляют к каждому новорожденному – если он, конечно, родился не в крестьянской семье. У них много братьев и сестер – есть, кому позаботиться.

– Нет... Наверное, мой отец не хотел пускать в зам... В дом чужих. У него с этим строго. И что они делают?

– Помогают молодым родителям, дарят подарки, творят мелкие чудеса.

Энн стало грустно. У нее не было ни сестер, ни братьев, ни, как оказалось, крестной, которая, оказывается, была у всех детей. Одиночество хлестнуло волной и тут же отступило, когда Энн сжала кулаки и заметила:

– Ты прав, никогда бы не выбрала такую профессию. Это слишком скучно. А порядочники – кто такие?

Сол остановился на площадке между пятым и шестым этажами, чтобы отдышаться. Затем ответил:

– Название говорит само за себя. Они следят за порядком. Где ты росла, что не знаешь таких вещей? Каждый горожанин знает, что порядочников стоит опасаться, даже если ты не сделал ничего плохого. Они найдут, к чему придраться.

– Звучит не порядочно. Но я поняла, о ком ты. Видела, как один такой подошел к уличному музыканту и придирчиво изучал палочку дирижера.

– Зришь в корень – хмыкнул Сол и, продолжив подъем, выдохнул: – Ненавижу лестницы. Энн сказала:

– Нет, порядочником я тоже не хочу быть. А какие еще есть факультеты?

– Расскажу... Завтра... Хорошо? – Сол окончательно запыхался и после каждого слова шумно втягивал воздух.

Они поднялись еще на несколько витков, прежде чем Сол остановился, сделал несколько шумных вдохов и выдохов и постучал в одну из дверей. Энн не отличалась спортивным телосложением, но у нее просто устали ноги.

– Здесь живет Олли, моя однокурсница, – пояснил он, когда по ту сторону послышались шаги.

Дверь открыла девушка с золотистыми волосами. Ее лицо покраснелось и опухло, голос плаксиво дрожал:

– Привет, Сол. Если ты пришел позаниматься, то сейчас не лучшее время.

– Не, я по другому поводу. Могу я у тебя разместить подругу, хотя бы только на эту ночь?

Энн прикусила губу, когда Олли скользнула по ней взглядом.

– О, привет. Поступать планируешь?

Энн кивнула, потупив взгляд – ужасно неловко было доставлять неудобство чужим людям. Голос Олли чуть окреп, и она сказала:

– Ради такого друга, как ты, Сол, мне не жалко.

Когда перед мысленным взором Энн уже вспыхнула настоящая уютная постель, Олли спросила:

– Как, говоришь, тебя зовут?

– Энн.

– Проходи, малышка!

Олли скрылась в комнате. Энн взглянула на Сола и тут же опустила глаза. Как с ним попрощаться? Пожать руки – слишком формально. Обнять – слишком лично. Может, поблагодарить и пожелать спокойной ночи? Само собой вырвалось:

– Спасибо тебе. Увидимся утром.

Сол как-то странно посмотрел, но Энн поспешно скрылась за дверью и прикрыла ее, стараясь сделать это как можно тише и вежливее.

Глава 5. Счастье

Энн с восторгом разглядывала яркий разворот в своем дневнике. Разноцветные полосы петляли, переплетались, расходились и сходились вновь как легкие воздушные полотна. Они заигрывали с воображением, дразнили и интриговали. Оранжевый, ярко-зеленый, желтый, нежно-бирюзовый и малиновый – цвета перемешивались при наслоении, но не в грязно-бурые пятна, а в сияющие многослойные узоры. Сердце при виде этой картины трепетало, восхищение звонким молоточком отстукивало в голове: «Это я, это все происходит со мной!». Энн почувствовала себя именно так, как это рисовал дневник.

– Доброе утро, соня! – услышала она, когда, потирая глаза, встала с кровати и спустилась по бесконечно длинной лестнице вниз, мимо сотен девчачьих спален.

Пахло молочной кашей. Такой, на поверхности которой натягивается пленка – но Энн она нравилась, хоть она никому в этом не признавалась. Олли помешивала лопаткой в котелке над камином. Она развернулась, брызнула на пол молоком и, ойкнув, размазала лужицу носком. Потом подняла глаза и спросила:

– Завтракать будешь?

Сейчас девушка выглядела довольной, ничем не напоминая ночную версию себя. Легкий румянец, бодрый голос и утренний энтузиазм – и никаких опухших век и мокрых дорожек на щеках.

Энн ответила:

– С радостью, спасибо тебе, Олли.

И подошла к высокому полукруглому окну. Солнце вкатывалось на небо, окрашивая двор в нежно-розовые тона. На блестящей от росы траве, где вчера сидели студенты, пока никого не было. Энн повернулась к Олли:

– Ты всегда так рано встаешь? Занятия скоро, да?

– Я всегда просыпаюсь пораньше, чтобы почитать что-нибудь – на свежую голову лучше запоминается, – улыбнулась Олли. Под ее глазами залегли тени.

На языке вертелся вопрос, который Энн хотела задать еще ночью. Мысленно взвесив тяжесть слов, она тихо спросила:

– Скажи... Ты часто видишься с родителями?

Глаза Олли заблестели, ресницы тут же слиплись. Она часто заморгала, чтобы согнать влагу, и медленно выдохнула.

– Я приезжаю домой на каникулах, в конце каждого урожая, на несколько дней. Все остальное время у нас очень плотная учеба, некогда расслабляться и гулять направо-налево, – на одном дыхании, как скороговорку, выпалила Олли. Потом снова проморгалась и, натянув дежурную улыбку, со стуком поставила на крошечный стол две тарелки. Она заметила скол на той, что стояла дальше от нее, и поспешно поменяла ее местами со второй.

Энн, зачерпнув ложкой кашу, сказала как можно более непринужденно:

– Это очень странно, но я по своим не скучаю. Больше месяца не видела, но здесь, в Турии, так интересно, что домой совершенно не хочется! И, кажется, они и сами не торопятся меня навестить.

– А где ты жила все это время? Или ты из тех, кто сбегает от потомственных фермеров и ремесленников, чтобы обучиться магии? – ужаснулась Олли. Энн поспешила ее успокоить:

– Нет-нет, что ты. Просто было настолько некогда, что я про них почти забыла. А сейчас вспомнила – и удивилась, как это они меня еще не нашл... не навестили, – исправила себя Энн. Первую часть вопроса она пропустила мимо ушей.

– И что планируешь? Будешь поступать к нам?

Энн открыла было рот, чтобы ответить, но тут же его захлопнула. А ведь и правда. Она так часто мечтала о побеге, что совсем не строила дальнейших планов. Предвкушение свободы совсем лишило разума. Где она будет жить? Как зарабатывать деньги? Чем заниматься в свободное время и каким образом заводить друзей?

Конечно, теперь у нее был Сол. Но он ей не был ничем обязан – и так сделал слишком много для чужой девчонки, случайно попавшейся на глаза и вызвавшей сострадание. Сострадание, пфф. Энн никогда бы не подумала, что к ней, дочери короля, однажды кто-то испытает такое чувство.

Олли терпеливо ждала ответ. Даже кашу перестала жевать и отложила в сторону ложку. Потом выгнула изящную светлую бровь.

– Да, я собираюсь поступить к вам в Высшую школу магии, – выпалила Энн и сама себе удивилась. Кто ее дернул за язык? Почему она так сказала?

Она никогда не мечтала о карьере волшебницы. Какие у нее возможности? Показывать фокусы и зачаровывать инструменты, как те, что были на площади? Собирать целебные травы и до глубокой старости лечить больных геморроем и проказой? Ну, есть пост придворного советника – высокая и достойная должность. Но старина Фродт вряд ли обрадуется подрастающей замене.

А язык тараторил дальше:

– Буду очень благодарна советам от бывалой студентки: как пройти вступительные экзамены, к чему быть готовой, какие книги стоит почитать?

Олли расплылась в улыбке. Она уже открыла рот, чтобы поделиться первыми секретами круглой отличницы, как дверь, ведущая на крохотную кухню, распахнулась. На пороге стоял Сол – он излучал такую бодрость, свежесть и энергию, что тут же захотелось прильнуть и пообщиться к его жизнерадостности.

Энн поняла, что слишком долго смотрит ему в глаза, а он – в ее. Тишина на кухне затянулась. Олли всплеснула руками:

– Ой, совсем забыла! Мне же еще в библиотеку нужно. Увидимся, ребята!

– А, беги, конечно. Спасибо, что приютила! – ответила Энн многослойной ярко-зеленой юбке, взметнувшейся на прощание.

Сол оперся рукой о стол и улыбнулся:

– Ну, привет, невыносимая девчонка.

– И почему же я невыносимая? – Энн удивилась так искренне, что забыла привычно залиться краской.

– Потому что всю ночь я не мог вынести тебя из головы.

Губы растянулись в дурацкой улыбке. А Сол, как ни в чем не бывало, схватил Энн за руку и потащил на выход.

– Самое главное правило, который должен знать любой студент, – начал он, когда они вышли на лужайку, – не садиться на колени статуи Исмира Великого.

– Так, подожди, – сказала Энн, озираясь по сторонам. Она оглядывала здание замка в поисках затаившихся горгулий, но те, видимо, улетели по своим делам, – а кто такой Исмир Великий?

– Он много, кем был. Но, пожалуй, его самая популярная ипостась – невероятно сильный маг, который прожил кучу лет и ни разу даже носом не шмыгнул! Потом он основал Высшую школу магии, и спустя какое-то время отошел от дел.

– Отошел – куда? Он же не умер?

– Нет! Конечно, нет. Кто-то говорит, что он поселился в деревне и с удовольствием ковыряется в саду. Кто-то – что он вздумал переплыть Кипящий океан, построил для этого самую крепкую лодку и пропал. А кто-то – что он бродит по тайным переходам и полым стенам замка, приглядывает за студентами и наказывает хулиганов.

Энн слушала, разинув рот. Не каждый день рассказывают истории о великих волшебниках!

– Дай угадаю – а на статуе сидеть нельзя, потому что настоящий Исмир это увидит и накажет? И будут у студентов долго и справедливо саднить разные мягкие места, – предположила Энн и, не удержавшись, хихикнула.

– Не совсем. По легенде, если студент до экзаменов сядет на колени, статуя обидится, встанет и уйдет.

– Ничего себе! Я бы посмотрела на такое.

Сол остановился недалеко от дверей, ведущих в замок. Резные ветви и листья украшали массив красного дуба, делая тяжелые створки почти живыми. Идеально круглая ручка, отполированная тысячами прикосновений, призывно блестела.

Энн перевела взгляд на парня. Он стоял близко – даже слишком близко – и внимательно разглядывал ее. На щеках пролегли едва заметные ямки, шляпа съехала набок, а глаза странно сверкали.

«Он... Он ведь сейчас меня поцелует!» – в ужасе подумала девушка. И она никак не могла решить: предвкушает ли она это или боится. Сердце трепетало, как тогда, в ночном лесу. И в то же время – в глазах Сола хотелось утонуть навсегда.

Лицо приближалось. Крохи самообладания и смелости, с таким трудом собранные за дни в столице, испарились. А панический голосок пищал, зажавшись в дальний угол сознания. Чуда куда-то исчезла.

Сол прислонил лоб к ее лбу. Энн закрыла глаза и задержала дыхание – вдруг от нее неприятно пахнет утренней кашей?

– Посмотри на меня, – голос был мягким, нежным. Он отдавался в груди легкой вибрацией и пробуждал каждую клеточку.

Энн помотала головой и посмотрела в глаза Сола – они сливались в один, смешно и нелепо.

Сол взял Энн за подбородок так, словно она была сделана из облака – махни рукой чуть сильнее, и оно рассыпется на неосязаемые клочки. Горячие губы накрыли ее, и в животе тут же кто-то зашевелился и прыгнул салто. Энн остолбенела. Расслабиться никак не выходило! Она чувствовала щетину, царапающую лицо, и слышала собственное сердцебиение.

А потом все закончилось. Сол отшагнул, и разом обрушились звуки: птичье щебетание, разговоры студентов на лужайке, скрип оконной рамы.

– Пойдем, увидишь колени Великого.

Какие колени? Энн не поняла, о чем речь, но вопросы оставила при себе – сердце все еще трепетало, а ноги подкашивались. Что уж говорить о попытках выдавить хоть слово?

Двери распахнулись, как только ребята к ним подошли, но даже не скрипнули. Их встретил небольшой холл с гранитными плитами на полу и окном гардероба в стене. Широкая лестница закручивалась к потолку, побелку которого украшали темные пятна. А под ней, словно прячась от посторонних глаз, сидела белоснежная фигура бородатого мужчины. Высокий и тучный, он с трудом помещался на узком стуле, что каким-то образом добавляло ему грозности и статуса.

Энн, поддавшись внезапному порыву, сделала легкий реверанс и смущенно скосила глаза. Под ногами змеилась надпись: «Магия – лишь один из инструментов на пути к счастью». Буквы красивыми завитушками нацарапали прямо на камне, и, кажется, были здесь с самого открытия школы.

Сол махнул рукой:

– Пойдем.

Ступени точно делали для великанов – приходилось высоко задирать ноги, и уже через десять шагов мышцы жалобно взвыли, напоминая о своем существовании.

Второй этаж оказался удивительно светлым. По левую сторону широкого коридора сверкали чистотой окна в рамах до пола. По правую – тянулся ряд простых тонких дверей, а проход упирался в железную дверь с молотком в виде хамелеона. Этот черный прямоугольник поглощал весь свет вокруг, опустошая даже душу. Невозможно было ни оторвать взгляд, ни моргнуть.

Глаза защипало. За два шага до двери Сол остановился, и Энн испугалась, что сейчас он бросит ее. Скажет «Дальше сама», развернется и уйдет прочь, стараясь не переходить на бег.

– Стучаться должен экзаменуемый.

Экзаменуемый?! Энн надеялась, что ее поступление начнется с собеседования или простого разговора. Самое большее – заполнения анкеты.

– И Чуда пусть останется со мной – ее не пустят.

Птица, мирно дремавшая под воротником, встрепенулась и, пощекотав крылом шею, перебралась на плечо к Солу. Удивительно, как быстро она стала доверять этому парню! Энн медленно выдохнула, стараясь выпустить из легких не только воздух, но и все волнение. Протянула руку, обхватила колотушку и с облегчением почувствовала тепло на коже. Тук. Тук.

– И еще раз, – шепнул Сол.

Тук.

Тишина.

С другой стороны заворчалось, защелкало. Взвизгнул засов, и дверь открылась внутрь, забирая с собой еще больше света. Проем зиял непроглядной чернотой. На спину легла ладонь и подтолкнула – мягко, но ободряюще.

Шаг. Дверь закрылась. В обратном порядке заскрежетали засовы и замки. Со всех сторон заглотила, не прожевав, тьма.

Вспомнилось дерево с когтистыми лапами, теперь такое далекое. Вдалеке гаркнула ворона и захлопала крыльями, заставляя затхлый воздух дребезжать. Дыхание оглушало, сделавшись чересчур громким, а сердце болезненно стучало о грудную клетку и стремилось вырваться на свободу.

Ноги повели вперед. Руки вытянулись, чтобы ненароком не наткнуться на стену или угол. «Сейчас бы света... Банку со светлячками или факел», – думала Энн.

Дневник! Вдруг он сможет наколдовать фонарь? В голове забилась одна-единственная мысль: «Хоть бы получилось». Энн вытащила из кармана дневник и раскрыла его на середине.

Ничего. В плотной, практически осязаемой темноте дневник оставался таким же темным и невидимым, а шелест его страниц заставлял вздрагивать.

– Бесплезная безделушка, – прошипела Энн и с раздражением захлопнула дневник.

Мысли сами собой вернулись к Солу. К губам, лицу, царапающему щетиной, неловкости и настойчивости. К щекам прилило горячее, обжигающее. А от рук – наоборот, отлило, и пальцы сделались такими холодными, словно их не существовало.

Интересно, Сол поцеловал Энн, потому что правда хотел этого? Она в самом деле ему понравилась? Или он, зная, что она чувствует за собой долг, решил его вернуть? Похвастаться перед друзьями? Нет, таких подлых людей не бывает!

А что такое любовь, помимо высокопарных речей, серенад под окном и спасения из высокой башни? Ведь даже из благородства люди действуют в своих интересах – они хотят, чтобы их половинка была счастлива, и добиваются этого. Получается, добра ради добра не бывает?

Голова налилась свинцом. Энн тряхнула ей, заставляя мысли течь в другом направлении. Первыми на ум пришли глаза Сола. Одно лишь воспоминание о них затягивало в завораживающую глубину! А когда в голове прозвучало «А ты думала, в сказку попала?», в груди что-то заворчалось. Не страх, нет. Какое-то новое, теплое чувство, которое расползлось от сердца по всему телу. Пальцы вновь налились жизнью. Из ниоткуда родился тонкий луч – и

Энн далеко не сразу смогла вынырнуть из мечтаний, чтобы заметить, как тонкая полоса света падала на пол из страниц дневника.

– Сработало!

Она раскрыла дневник и тут же отодвинула подальше – столб света больно ударил в глаза. Щурясь, Энн пролистала страницы и восторженно ахнула. Зажегся не только разворот, но и все листы разом – и светили они так, словно на них поселилось само солнце.

Энн осветила широкий коридор перед собой. Справа, совсем рядом, тянулась серая каменная стена и дышала холодом. Левее лежала ковровая дорожка.

Теперь можно было идти вперед. Ворс подобно пушистой траве щекотал ноги, и из головы вылетели все мысли кроме одной: вот бы прилечь и отдохнуть. До конца времен!

Громкий мужской голос прозвучал так неожиданно и громогласно, что Энн едва не выронила дневник:

– Это нечестная игра. Все магические предметы вы должны были оставить снаружи. Однако ваша находчивость сыграла вам на руку.

Выходит, это испытание?

Голос умолк, и Энн, выждав еще несколько минут, зашагала дальше.

Впереди темнел странный силуэт. Мохнатые лапы торчали из него, подрагивая в судорогах. Приближаться перехотелось. Совсем.

Энн сглотнула. Она никогда раньше не видела таких гигантов! Тело сопротивлялось, ноги вязли в плотном воздухе, уговаривали развернуться.

Паук – размером с кошку и такой же мохнатый, лежал на спине и дергал конечностями. Вот только этих конечностей было слишком много. Шесть, восемь, десять... Энн насчитала двенадцать лап. Противных, тонких и длинных – даром, что шерстяные. К горлу вонючей густой слизью подступила тошнота.

Похоже, это тоже часть испытания.

Их разделяла пара шагов. Три пары глаз уставились на Энн красными огоньками. В них не было ни радужки, ни зрачков, но несмотря на это выражали нечто почти человеческое. Паук лежал на спине и взбивал лапами и без того плотный воздух.

– Вы мне предлагаете его... Это... Перевернуть? Помочь ему? – спросила Энн в пустоту. На последнем слове голос сорвался.

Она не собиралась и пальцем прикасаться к этой громадине! Она же, как только очутится на своих мерзких лапах, точно догонит и сожрет! И не подавится!

Красные огоньки продолжали смотреть, не мигая, а лапы – искать опору. Энн никому не смогла бы этого объяснить, но она кожей чувствовала беззвучный крик. Было в этой картине что-то жалкое и печальное.

– Ладно. Допустим. Но моя смерть будет на вашей совести!

Энн огляделась в поисках оружия или хотя бы палки. Ни-че-го. Коридор тянулся в обе стороны, как и ковровая дорожка, и не было им конца и края. Конечно, можно обойти паука и просто пойти дальше – и это идея привлекала все больше. Но тогда – в этом можно было не сомневаться – дорожка приведет в родной замок и башню с крохотным окном.

Снова сидеть взаперти, стараться ради отца, учиться на управлении. Сдавать экзамены. Проходить практику – наверняка на посту мэра захолустной деревушки. Стать преемницей отца. И попасть в бюрократический ад: доносы, приказы, законопроекты; встречи, собрания и казни. Все – с трона в огромном зале, где самый интересный собеседник – это собственное эхо.

Паук устал сопротивляться и теперь слегка подрагивал лапами. Глаза, подобно углям в забытом костре, потеряли яркость.

Энн докажет. Докажет отцу, что сама в силах построить свою жизнь. Что может добиться всего без подачек, собственным желанием и упорством. Она не останется в болоте в ожидании чуда.

Дневник лег на пол. Свет обжигающим столбом бил в полотно, очертания которого едва различались в вышине.

Энн просунула руки под ковер. Прямо через плотный материал она толкнула паука в спину. Получилось совсем слабо, и мохнатое тело, качнувшись, вернулось обратно, а лапы с новым упорством замолотили по воздуху. Энн присела, глубоко вдохнула и снова толкнула, что есть сил. Паук напомнил кувшинку на легких волнах. Тогда девушка подхватила темп и принялась качать монстра вперед-назад, накатываясь на него и отступая. На морде обнаружились влажно блестящие жвала, и пришлось зажмуриться. Дело двинулось с мертвой точки: тушка болталась все сильнее, и в очередную «накатку», наконец, перевернулась.

Энн тут же отскочила, готовясь прятаться под ковром. Но паук, вновь оказавшийся на своих двенадцати лапах, уже улепетывал прочь, ни разу даже не взглянув на спасительницу.

За спиной раздались хлопки. Энн развернулась и увидела мужчину в тесной черной рубашке до пола – он нарочито медленно хлопал в ладоши, кивая головой, а затем улыбнулся страшной, хищной улыбкой. Зажегся свет.

– Bravo-bravo! Дорогая моя, за тобой было очень интересно наблюдать, – протянул он зазорным и восторженным голосом.

Энн, поборов замешательство, присела в реверансе.

Мужчина извлек из ниоткуда записную книжку и перо:

– Имя? Фамилия? Цель обучения? Аллергии? Прочие фобии, помимо пауков?

Он занес перо над бумагой и замер. Этого человека нельзя было назвать смешным или забавным – в наигранной дурашливости сквозила угроза. С таким шутить нельзя.

– Энн Мирэль. Цель обучения – наверное, стать независимой от семьи и самой строить жизнь. Аллергий и других фобий нет. Даже темноты и высоты я не боюсь.

Мужчина, сделав пару заметок, протянул:

– Да-а-а, все верно. Темнота не убивает. Убивают монстры, которые прячутся в ней. И высота не так страшна как падение с нее.

Он хохотнул, а у Энн побежали мурашки. Мужчина продолжил:

– Энн Мирэль, говоришь? Интересненько. Сбежала, значит-с, от папки с мамкой? Ни за какие деньги не поверю, что Рейко Мирэль, наш король и повелитель, пришел в себя и разрешил драгоценной дочурке покинуть чудесную тюрьму на вершине башни.

Пренебрежительный тон и резкие слова резали по ушам и сердцу. Энн стиснула кулаки и процедила сквозь зубы:

– Я сама выбрала этот путь. Отец здесь не при чем.

– Конечно-конечно. Нисколько не сомневаюсь, что добровольно тебя бы никто не выпустил из этой золотой клетки. И что, мамочка не попыталась остановить? Из-за страха перед мужем?

Зубы заскрежетали, грозя превратиться в крошку. Пальцы в кулаках побелели. Мужчина продолжил:

– Даже удивительно, как у семьи, безвольно следующей традициям и пережиткам прошлого, могла родиться девочка без всяких инстинктов самосохранения.

Перед глазами поплыло. Десять, девять, восемь... Энн считала от десяти до одного, медленно выдыхая. Не помогло. Больше терпеть она не намерена. Дневник, так и лежащий на полу, засветил розовато-красным. Энн нагнулась, подхватила его и захлопнула. Поток воздуха отбросил со лба прядь волос.

– Проводите меня к ректору, я буду разговаривать только с ним.

Улыбка мужчины расплылась еще шире. Тонкие губы натянулись так сильно, что грозилась вот-вот треснуть.

– Превосходнейший ректор Высшей школы магии Дэвон Плюмус – к вашим услугам. Приветик.

Ну, конечно. Энн ничем не выдавала эмоций. Представив, что ее лицо – это каменная статуя, она проговорила на одном дыхании, ни разу не повысив голос:

– Моя родословная, и уж тем более ваши рассуждения о ней никак не помогут овладеть искусством магии. Поэтому предлагаю опустить пустые разговоры и перейти моему зачислению на первый курс.

Лицо Плюмуса преобразилось. Растянутая улыбка сменилась на едва заметную, почти вежливую. Безумный блеск в глазах исчез, и даже кожа окрасилась в живой оттенок.

– Разумеется, – сказал он ровным тоном и выхватил дневник, – О, Дневник Души! Давненько я не видел эту реликвию. Думал, она утрачена.

Ректор перестал улыбаться и посмотрел на девушку так по-взрослому, что поневоле захотелось без напоминаний встать в угол. Энн сжалась: вот, сейчас у нее отнимут волшебный предмет и пошлют за отцом. И выгонят из школы. И она больше никогда не увидит свободу, не познает свободную жизнь, не научится творить волшебство.

– Вы умница. Пожалуй, вы один из тех студентов, кто действительно горят делом. Вы упорны и трудолюбивы, вы сдержанны и находчивы. В вас есть искра – пусть вы и сжульничали, когда зажгли ее с помощью этой вещицы, – ректор помахал дневником.

От прежнего безумства не осталось и следа. Угроза, висевшая в воздухе, рассеялась. Перед девушкой стоял мужчина с мудрыми пронзительными глазами и глубоким голосом.

– Энн Мирэль, вопреки вашим страхам быть с потрохами переданной в руки властей, я не стану этого делать. Мои студенты вольны распоряжаться своими жизнями и решать, чего хотят. Поздравляю с успешным зачислением в Высшую школу магии!

Энн шумно выдохнула. Она справилась! Совсем скоро она станет настоящей волшебницей!

– Да, и еще кое-что. Игрушку свою оставьте у меня. Премного благодарен.

Глава 6. Интрига

– Вот так взял и забрал? – прошептал Сол, когда они через несколько дней встретились у дверей школы.

В его голосе сквозило сочувствие, но без тени удивления. Энн пожала плечами:

– Угу. Надеюсь, ненадолго.

Конечно, было обидно. Она этот дневник добыла с таким трудом! И он здорово выручил – а сколько еще неприятностей может ждать... Энн мысленно стряхнула грусть и сменила тему:

– Сол, скажи: а на какой факультет ты хочешь пойти?

– Советники, конечно. Может быть, однажды добьюсь такого успеха, что заменю Фродта на его бессменном посту, – ответил он, но, заметив удивление на лице Энн, рассмеялся и добавил: – Я шучу. Власть и даже какое-то ее подобие меня никогда не привлекала. Люблю более практичное и в то же время эффектное применение магии.

Оставив вопрос без прямого ответа, Сол сжал ладонь Энн:

– Я побежал на занятие. Удачного первого дня. Найду тебя на перерыве!

И, наклонившись, чмокнул в щеку. Голова у Энн на несколько секунд закружилась – она все еще не привыкла к ласке. И, тем более, к ее проявлению на глазах у сотни первокурсников. А все-таки было так приятно!

– Поздравляю вас с зачислением в Высшую школу магии, – на высокую кафедру зашел Превосходнейший ректор Дэвон Плюмус, – Вас ждёт четыре года плотных занятий: общей истории, теории и, конечно, упражнений. Напоминаю – вы выбрали этот путь добровольно, отбор прошли честно. Назад пути нет. Советую как следует сосредоточиться на учебе и доказывать, что вы достойны называть себя волшебником.

Энн впервые со дня побега почувствовала гордость за себя. Она справилась! И совсем скоро станет колдовать, как это делали для нее Фродт и Сол.

– Как вы могли заметить, – продолжил ректор, – Магия у нас начинается вне классов. Это и волшебный лабиринт, и игра цветов на здании школы, от которой с непривычки может кружиться голова. Все это – чтобы отпугнуть тех, кто не занимается магией. В первые недели вас научат воспринимать эти рисунки, и тогда вы сможете в полной мере ими насладиться.

Ректор встряхнул широким рукавом, и тот задрался до локтя. На запястье блеснул кроваво-красный камень в кожаном ремне. Студенты зашептались, а Энн лишь озадаченно вертела головой, стараясь услышать хотя бы часть разговора.

Плюмус цокнул языком, и аудитория притихла. Затем он выхватил из воздуха плитку шоколада, откусил и улыбнулся – лицо стало похоже на довольную морду кота. На длинные столы перед студентами шлепнулись стопки учебников. Пыль взвилась в воздух и забилась в носы, от чего все зачихали. Ректора это позабавило. Он хихикнул, подмигнул – и запустил под потолок фейерверки прямо из рукавов. Яркие вспышки осветили лица первокурсников, смягчили черты тех, кто хмурился, и одарил остальных счастливыми улыбками. Чем больше смешков и улюлюканий зарождалось в аудитории, тем больше цветных искр рассыпалось в воздухе – а это порождало ещё больше эмоций.

– О, совсем забыл! – повысил голос ректор в попытках перекричать первокурсников и щелкнул пальцами. – Ваши расписания.

Поверх учебников плавно опустился лист бумаги, расчерченный на шесть квадратов. Студенты зашептались, обсуждая программу.

– Ого, первым занятием стоит Бытовая Магия! Может, нас сразу научат мыть посуду без рук, – мечтательно протянул парень позади.

– Телесное укрепление! За что?! – простонала девочка с первого ряда.

Энн фыркнула – ей самой этот предмет еще в придворцовой школе надоел. А больше всего возмущали единые нормы для всех. Неважно, здоровый ты дядя ростом в четыре колоса или коротышка в три – будь добр, прыгни с места на четыре с половиной колоса. Несправедливо!

Энн пробежалась по остальным предметам. Внимание привлекли Лаборатория Эмоций и Магические Существа.

– Уже не терпится узнать о сути магии, правда? – спросила Энн у девушки справа, но та закатила глаза и скучаясь уперла ладонь в подбородок.

– Не все тут, знаешь ли, по собственной воле, – ответила она. – Если ты мечтаешь стать хоть Растителем – дело твое. Меня сюда родители засунули, чтобы по стопам Лекарей пошла.

– Слушай, эээ, – протянула Энн и приподняла бровь.

– Дейя, – бросила девушка.

– Я Энн. Слушай, Дейя. Ведь лекари – это очень почетно! Неужели тебя не вдохновляет возможность помогать другим и делать жизнь лучше?

– Еще что придумашь? Лекари – неблагодарная профессия. Сначала ты тратишь кучу лет на обучение, потом как новичок заслуживаешь доверие. Затем привязываешься к больному, борешься за него, вкладываешь всего себя! Но смерть догоняет. И ты проживаешь утрату слишком близко к сердцу. На очереди еще десятки пациентов, а родственники погибшего добавляют масло в огонь, обвиняя тебя во всех грехах. Я росла в этом. Видела, как старшая сестра Рута проходит через учебу, ночами сидит за книжками и плачет после тяжелых смен. Поэтому не тебе меня успокаивать.

Энн не знала, что ответить и как подбодрить одногруппницу. Дейя прищурила глаза и спросила:

– Ты-то какое направление будешь выбирать? Конечно, до третьего курса еще далеко... Но есть идеи?

Энн задумалась. Она даже не была уверена, что знает все доступные факультеты! Вспомнился ее первый день в Турии – как она бродила по зеленым улицам и восхищалась причудливым домам, их необычным формам и ветвистым завитушкам над крышами. И ведь это принесет пользу! Ответ вырвался сам собой:

– Наверное, в Растители. Их работа очень... Вдохновляет!

– Хм, – задумалась Дейя.

– Что такое?

– Ты больше похожа на такую нежную и воздушную Крестную, которая будет одаривать маленьких девочек розовыми платяницами.

– Ну уж нет, – возмутилась Энн так громко, что на нее стали оборачивать другие студенты, и добавила тише: – Это не для меня. Я хочу что-то создавать и творить!

Энн поразила своей решимости. Откуда взялась эта уверенность в себе? Из какого зерна сомнения выросло твердое намерение, откуда взялась целеустремленность? Неужели Сол подтолкнул?

Когда шум и общее возбуждение улеглись, ректор завершил свою речь:

– Добро пожаловать! Вам у нас понравится. Впереди насыщенная программа и плотное обучение. Уже завтра звон нашего колокола поднимет вас, чтобы вы успели позавтракать и прибыть к семи на первое занятие.

По залу пронесся недовольный ропот.

– А вы как хотели? Знания достаются самым активным и легким на подъем! А пока что – наслаждайтесь солнечной погодой и отправляйтесь на студенческую лужайку знакомиться друг с другом. Очень скоро из-за зубрежки и тренировок у вас не будет времени на общение. Все свободны, увидимся завтра!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.